

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

К Р И

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Книжка 3.

МОСКВА.

Типографія В. Гетье, на Кузнецкомъ мосту д. Торлецкаго.

1873.

цѣлями внимають словамъ, иногда кажется, что онъ говоритъ нескладно и несообразно; а которые съ усердіемъ и съ трезвымъ помысломъ— для тѣхъ какого порядка и истины исполнены слова его!

Впрочемъ тщательное изслѣдованіе объ этомъ одно само по себѣ было бы на этотъ разъ дѣломъ достаточнымъ. Но смѣшно было бы, оставивъ въ сторонѣ твое недоумѣніе, ради котораго мы пустились въ изслѣдованіе, перейти къ другому. Это сказано нами въ наказаніе и осужденіе тѣхъ, которые намѣренно дѣлають худое. Итакъ когда яснѣйшимъ образомъ доказано, что смерть устроена не на какое-либо зло человѣку, то не съ дурною цѣлію внимающій словамъ долженъ наконецъ уразумѣть то, что касается воскресенія тѣла. Ибо какимъ образомъ смерть бываетъ не на пользу, когда она разрушаетъ то, что окраживаетъ нашу природу, хотя въ то время, когда приходитъ, она и представляется непріятною, какъ самое кислое лѣкарство для больнаго. Но чтобы много разъ не говорить того же объ одномъ и томъ же, то, подкрѣпивъ сказанное еще словами изъ пѣсни второзаконія, перейдемъ къ дальнѣйшему изслѣдованію.

Гл. 37 (30). Ибо сказанное Богомъ: Азъ убію и жити сотворю: поражу и Азъ исцѣлю, и нѣсть иже излетѣ отъ руку Мою (Втор. 32. 39), чему другому имѣеть цѣлію научить, какъ Епиф. Кирп. Ч. III.

не тому, что тѣло прежде подвергается смерти и умираетъ, для того, чтобы послѣ воскреснуть и ожить? Поражается прежде и разрушается для того, чтобы послѣ образовалось изъ него цѣлое и здоровое. И вообще ничто не въ силахъ исхитить изъ великой и державной руки Его для уничтоженія и гибели, ни огонь, ни смерть, ни тьма, ни хаосъ, ни тлѣніе. *Кто ны разлучитъ, говоритъ Апостоль, отъ любви Господа (Который толкуется: рука Отца и слово), скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечь; якоже есть писано: яко тебе ради умерщвляемы есмь весь день; вѣмнихомся яко овцы заколенія. Но во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за возлюбившаго ны (Рим. 8, 35—37).* И это вполнѣ истинно, дабы исполнились, какъ сказалъ я, сіи слова: *Азъ убью и жизни сотворю, поражу и Азъ исцѣлю. И нѣсть уже изметъ насъ отъ любви Божіа, яже о Христь для гибели.* По сему—то и *вѣмнихомся, якоже овцы заколенія*, дабы умерши для грѣха, мы стали жить для Бога. Но о семъ довольно; надобно еще раз-смотреть то, что находится въ связи съ симъ.

Гл. 38 (31). „Все рожденное подвержено болѣзнямъ (такъ возражаетъ противникъ) и въ рожденіи и въ питаніи растеть, говоритъ, отъ привходящаго, и умалется отъ убывающаго. Напротивъ что не раждается, то здорово, потому что не подвергается болѣзни, ни въ чемъ не нуждается, и не имѣетъ желаній. А раждаю-

щееся желаетъ и сожитія и пищи. Желать значитъ болѣть, а не нуждаться и не желать значитъ быть здоровымъ. Раждающееся болитъ, потому что желаетъ, а не раждающееся не болитъ. Болящее страждетъ или отъ избытія или отъ недостатка веществъ привходящихъ и убывающихъ. Страждущее же и погибаетъ и уничтожается, потому что раждается. А человекъ раждается, слѣдовательно человекъ не можетъ быть безстрастнымъ и безсмертнымъ. Но на этомъ самомъ и падаетъ умозаключеніе. Ибо если все происходящее, или раждающееся погибаетъ (ничто не мѣшаетъ сказать такъ, потому что и первозданные не рождены, а произведены) *(твориай Ангелы своя души (Ис. 103, 4);* то по мнѣнію ихъ гибнуть и Ангелы и души. Но ни Ангелы, ни души не погибають, ибо они безсмертны и не разрушимы, по волѣ Создателя. По сему безсмертенъ и человекъ. Но не пригодно и то, если сказать, что до основанія погибнетъ вселенная, и не будетъ ни земли, ни воздуха, ни неба. Хотя для очищенія и обновленія весь міръ, объятый нисшедшимъ огнемъ, загорится, онъ не придетъ однакоже въ совершенную гибель и разрушеніе. Ибо если міру лучше не быть, нежели быть, то почему Богъ сотворившій міръ, избралъ худшее? Но Богъ ничего напрасно не творилъ. Посему Богъ устроилъ, чтобы тварь существовала и

продолжала бытіе, какъ утверждаетъ сіе и премудрость: *созда бо во еже быти всльмъ Богъ, и спасительны бытія міра, ни бо есть въ нихъ врачеванія губительнаго* (Прем. 1, 14). И Павелъ ясно свидѣтельствуесть, говоря: *чаяніе бо твари откровенія сыновъ Божіихъ чаеъ. Суеть бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на упованіи: яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. 8, 19—21). *Суеть бо, (говорить) тварь повинуся, но ожидаетъ, что тварь свободится отъ такого рабства, желая такъ называть настоящій міръ.—Ибо работаетъ тлѣнію не невидимое, но это видимое. По сему тварь продолжаетъ бытіе, будучи обновлена въ лучшемъ и благоглѣпнѣйшемъ видѣ, веселясь и радуясь о воскресеніи съ чадами Божіими, за которыхъ въздыхаетъ и собользнуетъ нынѣ* (ст. 22), чая и сама избавленія нашего отъ тлѣнія тѣла, дабы, когда мы востанемъ, и стряхнемъ съ себя мерзвенность плоти, какъ написано: *и стряси прахъ, и востани, сяди Иерусалиме* (Ис. 52, 2), и когда избавимся отъ грѣха, избавиться и ей отъ тлѣнія и работать уже не суетѣ, а правдѣ. *Въльми бо, говоритъ, яко вся тварь совоздыхаетъ и собользнуетъ даже до нынѣ. Не точію же, но и сами начатокъ духа илице, и сами въ себѣ въздыхаемъ, всыновленія чающе, избавленія тѣлу нашему* (Рим. 8, 22—23). И Исаія говоритъ: *якоже бо небо ново, и земля нова, яже Азъ*

творю, пребываютъ предо Мною, глаголетъ Господь: тако станетъ сѣмя ваше и имя ваше (Ис. 66, 22). И еще: тако глаголетъ Господь сотворивый небо, сѣй Богъ устроивый землю, и сотворивый ю, той раздѣли ю. Не вотще сотвори ю, но на вселеніе (45, 18). По истиннѣ не вотще и не напрасно, не для погибли, создалъ Богъ вселенную, какъ думаютъ суемудрые, но для того, чтобы она существовала, была обитаема и продолжала бытіе. Посему и земля и небо необходимо опять будутъ существовать послѣ сожженія и воспламененія всего. Почему же это необходимо, слово о томъ было бы длиннѣе сказаннаго. Ибо вселенная, разрушившись, преобразится не въ безформенное вещество и не въ такое состояніе, въ какомъ была прежде устроенія, и не подвергнется совершенному уничтоженію и тлѣнію.

*Гл. 39 (32). Но если вселенная не уничтожится, скажутъ противники, то почему же Господь сказалъ, что *небо и земля мимо идутъ* (Мат. 24, 35). И пророкъ: *погибнетъ небо, яко дымъ и земля, яко риза, обѣщаетъ* (Ис. 51, 6)? Это потому, скажемъ мы, что писаніямъ обычно перемѣну міра изъ сего состоянія въ лучшее и славнѣйшее называть уничтоженіемъ, такъ какъ прежняя форма съ измѣненіемъ всего въ лучший видъ пропадаетъ; въ Божественныхъ словахъ нѣтъ никакого противорѣчія и несообразности. *Преходитъ бо образъ міра сего**

(1 Кор. 7, 31), а не міръ сказано въ писаніи. Такимъ образомъ обычно писаніямъ называть уничтоженіемъ обращеніе прежней формы въ лучший и благообразнѣйшій видъ, подобно тому какъ если бы кто назвалъ уничтоженіемъ измѣненіе въ младенцѣ вида въ мужа совершеннаго, когда возрастъ младенца измѣняется относительно величины и красоты. *Егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовалъ, яко младенецъ смысляхъ: егда же бѣхъ мужъ, отвергохъ младенческая* (1 Кор. 13, 11). Посему надобно ожидать, что тварь будетъ страдать, какъ бы обреченная на смерть во время горѣнія, но для того, чтобы быть воссозданой, а не погибнуть, дабы мы обновленные жили въ обновленномъ мірѣ, не испытывая печали, по реченному въ сто третьемъ псалмѣ: *послешу Духа твоего, и созиждутся и обновили лице земли* (ст. 30), когда Богъ снова даруетъ благораствореніе окружающему воздуху. Когда земля будетъ существовать и послѣ вѣка сего, то по всей необходимости будутъ и обитатели, которые не будутъ умирать, ни жениться, ни родиться, но, подобно Ангеламъ, не измѣнно въ нетлѣннн будутъ наслаждаться блаженствомъ. Посему безрасудно говорить какую жизнь въ то время будутъ проводить тѣла, когда не будетъ ни воздуха ни земли, и ничего другаго.

Гл. 40 (33). Кромѣ сказаннаго, достойно, Аглаофонъ, разсмотрѣнія и то, въ какое великое

заблужденіе можно впасть, давая себѣ свободу разсуждать о такихъ предметахъ. Ибо сказавъ, что Господь, когда искушали Его Саддукеи, объяснилъ, что имѣющіе *улучити воскресеніе* будутъ въ то время *яко Ангели* (Лук. 20, 35. Марк. 12, 25), ты присовокупилъ: „но Ангелы, какъ безплотные, поэтому и пребываютъ на высотѣ блаженства и славы, слѣдовательно и намъ, имѣющимъ сравняться съ Ангелами, необходимо нужно, подобно имъ, быть обнаженными отъ тѣлъ“. Не примѣтилъ, любезнѣйшій, что создавшій и устроившій вселенную изъ ничего, естество безсмертныхъ удѣлилъ не однимъ Ангеламъ и Служебнымъ духамъ, но и Началамъ, Престоламъ и Властямъ. Ибо иной родъ Ангеловъ, иной Властей, потому что не одинъ чинъ, не одинъ сонмъ, поколѣніе и племя безсмертныхъ, но существуютъ роды, поколѣнія и различія. Ни Херувимы, выступая изъ своего естества, не премѣняются во образъ Ангеловъ, равно какъ ни Ангелы—во образъ другихъ. Ибо они должны быть тѣмъ, чтò есть, и какими произошли. Да и человекъ, поставленный жить въ мірѣ, и владычествовать надъ всѣмъ, чтò есть въ немъ, по первоначальному распоряженію будучи безсмертенъ, никогда изъ человѣческаго состоянія не измѣнится ни во образъ Ангеловъ, ни другихъ существъ, потому что и Ангелы не выходятъ изъ первоначальнаго вида и не измѣняются во образъ другихъ существъ. И Хрис-

тось пришелъ проповѣдать не превращеніе или премѣненіе человѣческаго естества въ иной образъ, но возвращеніе въ то состояніе, въ какомъ человѣкъ былъ сначала до паденія, когда былъ безсмертенъ. Посему каждому изъ сотворенныхъ существъ должно оставаться въ усвоенномъ ему образѣ положенія, дабы все было наполнено все́мъ, небеса—Ангелами, престолы—властями, свѣты—служебными духами, Божественныя мѣста, чистые и ясные свѣты—Серафимами, предстоящими великому Совѣту, правящему вселенною, а міръ—людьми. Если же допустимъ, что люди измѣняются въ Ангеловъ, то вмѣстѣ должны допустить, что и Ангелы премѣняются во Власти, а Власти еще въ иной и иной видъ, доколѣ слово, коснувшись высшихъ, не зачуется въ опасности.

Гл. 41 (34). И этого нельзя допустить, будто Богъ, создавъ человѣка худымъ, или ошибшись въ немъ при устроеніи, вздумалъ содѣлать его въ послѣдствіи Ангеломъ, раскаявшись, подобно самымъ плохимъ художникамъ. Или будто сначала хотѣлъ сотворить ангела, но не имѣя силъ для сего, создалъ человѣка. Это слабо. Почему же сотворилъ человѣка, а не ангела, если хотѣлъ, чтобы человѣкъ былъ ангеломъ, а не человекомъ? Потому ли что не могъ? Это хульно. Или отложилъ лучшее до будущаго и сдѣлалъ худшее? Это нелѣпо. Онъ не ошибается въ твореніи прекраснаго, не откладываетъ, не чув-

ствуешь безсилія, но какъ хочешь, и когда хочешь, имѣешь возможность сдѣлать, такъ какъ Онъ есть сила. Почему желая, чтобы человѣкъ былъ, въ началѣ сотворилъ человѣка. Если же чего желаетъ, то желаетъ прекраснаго, а прекрасное человѣкъ, человѣкомъ же называется существо, составленное изъ души и тѣла: слѣдовательно человѣкъ будетъ не безъ тѣла, но съ тѣломъ, дабы кромѣ человѣка не появился другой человѣкъ. Ибо Богу должно сохранять всѣ безсмертные роды: безсмертенъ же и человѣкъ. *Яко Богъ*, говоритъ премудрость, *созда чловька въ неистльнїе, и во образъ* присносущія своего *сотвори его* (Прем. 2, 23). Слѣдовательно тѣло не уничтожится, потому что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла.

Гл. 42 (35). Посему примѣть, какъ Господь сему самому хочеть научить, когда Саддукеи не вѣровали въ воскресеніе плоти. Таково было ученіе Саддукеевъ. Для сего подготовивши притчу о женѣ и семи братьяхъ, дабы отвергнуть ученіе о воскресеніи тѣла, приступили къ Нему, какъ показалъ самъ Евангелистъ, говоря: *приступиша къ Нему и Саддукее, иже глаголютъ не быти воскресенію* (Маѳ. 22, 23). Если бы не было воскресенія плоти, но сохранилась бы одна душа, то Христось согласился бы съ ними, какъ съ прекрасно и правильно мыслящими. Но теперъ онъ отвѣтствуетъ, говоря: *въ воскресеніе ни женятся, ни посвящаютъ, но яко Ангели Божїи*

на небеси суть (ст. 30); не то, что люди не будутъ тогда имѣть тѣла, но не женятся и не вступаютъ въ замужество, а пребываютъ въ нетлѣннѣи. И говоритъ, что въ этомъ подобны мы Ангеламъ, дабы какъ Ангелы на небѣ, такъ и мы въ раю занимались уже не браками и пиршествами, но созерцаемъ Бога и устроеніемъ своей жизни, подъ управленіемъ Христа. Не сказалъ: будутъ Ангелы, но *яко Ангелы*, какъ увѣнчанные, по написанному, *славою и честію, умаленные малыми чинами отъ Ангелъ* (Пс. 8, 6) и близкіе къ тому, что бы быть Ангелами. Какъ если бы кто, при благораствореніи въ воздухѣ и тишинѣ, во время ночи, когда все украшено яснымъ свѣтомъ луны, сказалъ: луна свѣтитъ, какъ солнце. И мы бы конечно не стали говорить, будто онъ свидѣтельствуемъ, что луна есть солнце, но только какъ солнце. Равнымъ образомъ и о томъ, что не золото, а близко къ золоту, обыкновенно говорится, что оно какъ золото, а не самое золото. Если бы было золото, не стали бы говорить: какъ золото, но золото. Поелику же не есть золото, но близко къ золоту, и представляется золотомъ, то и говорится: не золото, но какъ золото. Такъ когда Господь говоритъ, что святые въ воскресеніе будутъ, какъ Ангелы, то мы понимаемъ это не такъ, будто Онъ обѣщаетъ, что святые въ воскресеніе будутъ Ангелами, но близкими къ тому, чтобы быть Ангелами. По-

этому весьма безрасудно говорить, что поелику Христосъ возвѣстилъ, что святые въ воскресеніе явятся, какъ ангелы, потому сїи тѣла не востанутъ. Самое выраженіе ясно показываетъ такое значеніе событія. Ибо слово: *востаніе* употребляется не о томъ, что не упало, а о томъ, что упало и встаетъ. Равнымъ образомъ когда и пророкъ говоритъ: *и возставлю скинью Давидову падишю* (Амосъ 9, 11). Пала же подвергшаяся измѣненію скинїя души, испустившись въ *землю перстиую* (Дан. 12, 2). Ибо опускается внизъ не то, что не умираетъ, а что умираетъ. Умираетъ же плоть, ибо душа безсмертна. И такъ если душа безсмертна, а тѣло умираетъ: то тѣ, которые говорятъ, что есть воскресеніе, только не тѣла, отвергаютъ бытіе воскресенія; потому что не стоящее, но падшее и лежащее встаетъ, какъ написано: *еда падай не востаетъ? или отвращаяся не обратится* (Перем. 8, 4)?

Гл. 43 (36). А что душа безсмертна, ясно научилъ Господь, говоря и Самъ, и чрезъ Соломона. Самъ—въ исторіи о богатомъ, и о нищемъ Лазарѣ, этому послѣднему, по отложеніи тѣла, давъ упокоиться въ нѣдрахъ Авраама, а того осудивъ на мученія; и съ ними ввелъ въ бесѣду Авраама. Чрезъ Соломона же—въ книгѣ, надписываемой: „*премудрость*“, въ которой написано: *праведныхъ души въ руку Божию, и не прикоснется ихъ мука. Непщевани быша во очю безумныхъ умерти, и вльиши озлобленіе*

исходъ ихъ, и еже отъ насъ шествіе сокрушеніе: они же суть въ миръ, и упованіе ихъ безсмертія исполнено (Пр. 3, 1—4). И такъ воскресеніе принадлежитъ тѣлу, а не душѣ; ибо не стоящаго поднимають, но лежащаго, равно какъ и лѣчатъ не здороваго, а больнаго.

Если же кто усиливается утверждать, что будетъ воскресеніе души, а не тѣла, это великая глупость и безуміе. Ибо прежде должно доказать тлѣніе и разрушеніе души, чтобы доказать и ея воскресеніе, дабы показать себя не пустословящимъ, но основательно говорящимъ. Впрочемъ уступимъ ему, пусть онъ признаетъ душу смертною. Тогда одно изъ двухъ должно положить: или что Господь возвѣстилъ истину, когда училъ, что душа безсмертна, и слѣдовательно не справедливо говорить, что она подлежитъ тлѣнію: или—что она подвержена тлѣнію и что Христосъ и въ рѣчи о богатомъ и нищемъ, и въ явленіи Моисея и Іліи, ложно училъ, что она не гибнуща и безсмертна. Но Господь ничего не говорилъ несправедливаго и не лгаль. Ибо не какъ призракъ и привидѣніе, изъ желанія обмануть Апостоловъ, показавъ имъ на горѣ Моисея и Ілію, но то, что они были на самомъ дѣлѣ. Изъ этого такъ сказать, и самый не образованный пойметъ, что Онъ симъ подтвердилъ безсмертіе и негиблемость души.

Гл. 44 (37). И такъ воскресеніе принадле-

жить тѣлу, а не душѣ, дабы падшая въ тлѣніе скинія Давидова востала; и будучи возставлена и вознаграждена, пребывала неврежденною и неразрушимою, *яко же дніе вѣка* (Амос. 9, 11), потому что Богу свѣйственно не каменный домъ Давиду построить на будущее время, дабы въ царствѣ небесномъ онъ имѣлъ прекрасное жилище, но возставитъ обиталище души—плоть, которую Онъ создалъ своими руками. Такъ ты долженъ разсудить о семъ мудрѣйшій Аглафонъ! И это всего легче ты поймешь, если обратишь вниманіе на образъ сна и пробужденія. Ибо если за бодрствованіемъ слѣдуетъ сонъ, а за сномъ—пробужденіе: то въ этомъ заключается ученіе о смерти и воскресеніи; такъ какъ „сонъ и смерть близнецы“, *) то оживотвореніе изъ мертвыхъ, что бы плотъ ожила, также необходимо какъ востаніе отъ сна. Ибо какъ за сномъ слѣдуетъ бодрствованіе, и спящій конечно не остается на всегда въ одномъ и томъ же сонномъ состояніи, но опять встаетъ: такъ и за смертію послѣдуетъ жизнь, и умершій конечно не остается послѣ смерти въ томъ же состояніи. Такъ, если послѣ сна бываетъ бодрствованіе, послѣ паденія—возстаніе, послѣ разрушенія—возсозданіе: то какъ можно не ожидать, что падшее востанетъ и умершее оживетъ? И мы не обольщаясь исповѣдуемъ, что умершія тѣла снова оживутъ. Объ этомъ, если хочешь, заклю-

*) Слова сіи взяты изъ Илиады 16, 672.

чай не только отъ сна и востанія, но и отъ сѣмянъ и растеній, такъ какъ всѣми ими возвѣщается воскресеніе. Посмотри на сѣмена, какъ онѣ голыя и тощія бросаются въ землю, а оттуда появляются съ зрѣлыми плодами. Если бы сѣмена умирали и согнивали, и изъ сѣмянъ не происходило новой жизни и растенія: тогда что другое вышло бы, какъ не то, что все было бы истреблено смертію?

Гл. 45 (38). Но болѣе говорить объ этомъ теперъ, державный Теофилъ и прочіе суди словъ нашихъ, мы не станемъ, а рассмотримъ, что слѣдуетъ за симъ по порядку, такъ какъ разсужденіе отошло далеко отъ надлежащаго. Ибо по натянутому и несообразному истолкованію противникамъ пророчества въ 65 псалмѣ, Богъ, будто бы въ наказаніе за грѣхи, заключаетъ душу въ тѣло, какъ въ узы. Это скорѣе нелѣпость, чѣмъ справедливое мнѣніе. Ибо если ранѣ преступленія, какъ мы прежде изложили, души получили тѣло: то какимъ образомъ послѣ преступленія заключаются въ тѣло, какъ въ узы, когда нѣтъ времени, въ которое бы онѣ прежде полученія тѣла согрѣшили? Тотъ не уменьь, кто говорить, то—будто бы души по причинѣ тѣла согрѣшили, то—будто бы послѣ того какъ со-согрѣшили, въ осужденіе за это стало тѣло темницею и узами. Если души согрѣшили по причинѣ тѣла, значитъ тѣло соединено было съ ними сначала, еще прежде грѣха. Ибо какъ

онѣ согрѣшили бы по причинѣ того, что еще не существовало? И еще: если тѣло человѣка принимать за узы, оковы и темницу; то не оба вмѣстѣ виновны во грѣхѣ, но одна душа. Ибо что бываетъ послѣ грѣха съ согрѣшившимъ? Ему готовятъ темницу, узы и оковы. Но мы признали, что тѣло не можетъ быть названо узами души; потому что тѣло содѣйствуетъ ей въ томъ и другомъ, т. е. въ праведности и въ неправедности, а узы удерживаютъ отъ неправды. Поэтому, какъ я говорю, надобно допустить одно изъ двухъ: или мы отъ начала согрѣшили вмѣстѣ съ тѣломъ, и непредставляется времени, въ которое бы мы были безъ тѣла и слѣдовательно тѣло вмѣстѣ съ душою есть вина и добрыхъ и худыхъ дѣлъ; или мы согрѣшили, когда жили безъ тѣла, а посему тѣло совершенно не виновно во злѣ. Но душа безъ тѣла не побѣждается неразумнымъ сластолюбіемъ, а между тѣмъ первозданные побѣждены, бывъ уловлены неразумнымъ сластолюбіемъ; слѣдовательно душа была соединена съ тѣломъ еще до грѣха.

Гл. 46. Мнѣ кажется, я уже вполнѣ и со всякою убѣдительностію доказалъ, что нельзя думать, будто тѣло стало узами въ наказаніе за преступленіе, дабы душа, облекшись въ мертвенность, несла, по ихъ мнѣнію, не престающее и постоянное наказаніе. Посему не состоятельно и не возможно то положеніе, будто тѣло есть

сѣтъ и узы, и будто Богъ заключилъ души въ эту сѣтъ въ наказаніе, свергнувъ ихъ съ третьяго неба, за то, что онѣ нарушили заповѣдь. Ибо на какомъ основаніи можно повѣрить такимъ опрометчивымъ словамъ ихъ? И въ псалмѣ этого нѣтъ, хотя они натянуто изъясняютъ оный. Но я представлю самыя слова, тамъ находящіяся, дабы обнаружилась лживость толкованія ихъ, когда они не хотятъ правильно понимать писанія. Слова сіи именно слѣдующія: *искусилъ ны еси Боже, разжеглъ ны еси, якоже разжигается сребро. Ввелъ ны еси въ сѣть: положилъ еси скорби предъ лицомъ нашимъ. Возвелъ еси чело-
вѣки на главы наша: проидохомъ сквозъ огонь и воду и извелъ еси ны въ покой* (Пс. 65, 10—12), и тотчасъ они присовокупляютъ: это сказано о душахъ низверженныхъ съ третьяго неба, гдѣ рай, въ это тѣло, какъ въ сѣтъ, какъ бы для подвига. Ибо говорятъ, слова: „*проидохомъ сквозъ огонь и воду*“ означаютъ: или вшествіе души въ міръ чрезъ утробу матерную, такъ какъ она пребываетъ тамъ какъ бы въ пламени и влагѣ; или — ниспаденіе съ небесъ въ эту жизнь, совершаемое чрезъ источники огненные и воды, находящіяся надъ пространствами тверди. Противъ нихъ то я почелъ нужнымъ выступить. Ты, Аглафонъ, самъ дай за нихъ отвѣтъ, чтò они будутъ говорить.

Гл. 47. Во первыхъ рай, откуда мы изгнаны въ лицѣ перевозаннаго, очевидно есть прекрасное

мѣсто на сей землѣ, конечно назначенное святымъ для безпечальнаго успокоенія и жизни; откуда истекая Тигръ и Евфратъ и другія рѣки здѣсь показываются, чтобы своимъ теченіемъ орошать нашъ материкъ; не съ неба онѣ текутъ и низвергаются, потому что и земля не въ состояніи была бы принять такую массу воды, заразъ устремляющейся съ высоты. Да и Апостоль полагаетъ рай не на третьемъ небѣ, если кто умѣетъ понять тонкій смыслъ словъ его: *въмз*, говорить, *восхищена бывша до третіяго небесе; и въмз такова чловька: аще въ тльл, или кромл тьла,—Боѡ въсть, яко восхищенъ бысть въ рай* (2 Кор. 12, 2—4). Онъ показываетъ, что видѣлъ два откровенія, очевидно дважды бывъ восхищенъ: однажды—до третіяго неба, въ другой разъ—въ рай. Ибо слова: „*въмз восхищена бывша таковаго до третіяго небесе*“ указываютъ собственно на откровеніе, бывшее ему во время восхищенія на третье небо; а слѣдующія за сими слова: „*и въмз такова чловька аще въ тльл, или кромл тьла,—(яко восхищенъ бысть) въ рай*“ указываютъ на другое откровеніе, бывшее ему въ раю. И такъ говорить, что души низвергаются съ неба, и стремясь въ нашъ міръ, проходятъ чрезъ огненные источники и воды надъ пространствами тверди, есть пустословіе и напыщенная рѣчь. Поелику и Адамъ не съ неба былъ низверженъ, но изъ рая насажденнаго въ эдемѣ на востокѣ; и па-

деніе—не прежде облеченія въ тѣло, какъ мы достаточно показали; также и это тѣло не есть сѣть, но паденіе произошло по соединеніи души съ тѣломъ, потому что человѣкъ состоитъ изъ того и другаго. и изгнаніе изъ рая случилось здѣсь же. Но имъ, Аглафонъ, не обращено тщательнаго вниманія на сіе слово, но пустился онъ въ разсужденіе о такихъ предметахъ, которые не имѣють безопаснаго умозаключенія, и сталъ изъяснять псаломъ согласно съ мнѣніемъ людей не благонамѣренныхъ, о чемъ говорить больше не станемъ.

Гл. 48. Такъ какъ мы однажды рѣшились исправить ихъ невѣжество, то я хочу раскрыть имъ смыслъ и сего пророчества: *Искусилъ ны еси Боже, разжемлъ ны еси, яко же разжезается сребро.* Такъ мученики продолжительно искушенные ударами мученій во время пытокъ (ибо многое въ пророчествахъ относится къ намъ и исполняются онѣ по вѣрѣ), славно и мужественно подвизавшись, словами: „*Искусилъ ны еси*“ благодарятъ Бога за то, что Онъ, для пріобрѣтенія у Него ббльшей славы, испытать ихъ многими скорбями, предложивъ имъ одержать побѣду на истинномъ олимпійскомъ состязаніи. И посмотрите, какъ согласно съ сими словами и ясно говоритъ о мученіяхъ и Соломонъ. (ибо наше слово не лишено свидѣтельства и изъ другихъ писаній): *яко Богъ искуси ихъ и обръте ихъ достойны себя. Яко злато въ горниль ис-*

куси ихъ, и яко всеплодіе благоуханія пріятъ я и во время посъщенія ихъ и проч. (Прем. 3, 5—6): а выше сказалъ: *ибо предъ лицемъ чело-вческимъ аще и луку пріимутъ, упованіе ихъ безсмертія исполнено: и вмазь наказани бывше, великими благодѣльствовани будутъ* (ст. 4—5). Да и въ 123-мъ псалмѣ говорится: *яко аще не Господь бы былъ въ насъ, внигда востати челоукомъ на ны, убо живыхъ пожерли быша насъ, убо вода потопила бы насъ. Потокъ преиде душа наша, убо преиде душа наша воду непо-стоянную. Благословенъ Господь, иже не даде насъ въ ловитву зубомъ ихъ. Душа наша яко птица избавися отъ съти ловащихъ: сътъ сокрушися и мы избавлени быхомъ* (Пс. 123, 2—8). Сей псаломъ поють мученики. Такъ два лика добропобѣдныхъ мучениковъ,—одинъ Но-ваго, другой Ветхаго завѣта попеременно воз-сылають—Богу-Заступнику и царю всяческихъ стройную пѣснь сію: *искусилъ ны еси Боже, разжегъ ны еси, якоже разжизается сребро. Ввелъ ны еси въ сътъ, положилъ еси скорби на хребтъ нашемъ; здѣсь разумѣется судилище язычниковъ, или пытки, во время которыхъ истерзаные и опаленные огнемъ, сильно иску-шены были. Искуси мя Господи, говорить, и испытай мя; разжеси утробы моя и сердце мое* (Пс. 25, 2). Пусть и Авраамъ, разжегшійся утро-бою о едиородномъ и предпочтшій всему по-велѣніе Божіе, послѣ того какъ услышалъ гласъ:

Аврааме! пощади сына своего и брось мечь, говоришь сии слова: *искусилъ ны еси Боже, разжеилъ ны еси, якоже разжизается сребро*. Пусть и Иовъ, послѣ того какъ истекъ гноемъ, поносимъ былъ друзьями и болѣлъ тѣломъ, пусть и онъ, услышавъ Бога, глаголавшаго ему въ вихрѣ: *миши ли ты инако тебѣ сотворша, разве да явишия правдивѣ* (Иов. 40, 3), говоритъ: *положилъ еси скорби на хребтъ нашемъ, да яко злато въ горнильъ искуси насъ*. Пусть и три отрока, орошаемые въ печи, дабы не были опалены огнемъ, говорятъ: *искусилъ ны еси Боже, разжеилъ ны еси, якоже разжизается сребро*. *Пройдохомъ сквозь огонь и воду и извелъ еси ны въ покой...* Боже Вседержителю, вѣчный, Отче Христа! Даруй и мнѣ Меѳодію, когда я въ день твой безболѣзненно пройду чрезъ огонь и избѣгну стремленія водъ премѣнившихся въ огненное естество, даруй сказать: *пройдохъ сквозь огонь и воду и извелъ еси мя въ покой*. Ибо таково обѣтованіе твое любящимъ тебя: *аще преходиши сквозь воду, съ тобою есмь, и рьки не покрыютъ тебе: и аще сквозь огонь пройдеши, не сожжешися: пламень не опалитъ тебе* (Иса. 43, 2). Однако же довольно этого для изъясненія псалма.

Гл. 49. Теперь должно обратить вниманіе на то, когда они, подобно соннымъ, увлеченные многообразными обольщеніями, указываютъ на слова Апостола: *изъ же живяхъ кромль закона*

иногда (Рим. 7. 9),—и вопіють, будто Апостоль подѣ жизнiю прежде заповѣди разумѣлъ нашу въ перевозданномъ жизнь прежде тѣла, какъ показываютъ послѣдующія слова: *азъ же плотянъ есмь, проданъ подѣ грѣхѣ* (ст. 14); потому что человекъ не могъ сдѣлаться подвластнымъ и подчиниться злу, бывъ проданъ ему за преступленіе, если бы не содѣлался плотянымъ; такъ какъ, по ихъ словамъ, душа сама по себѣ не доступна грѣху, поэтому Апостоль съ намѣреніемъ присовокупилъ: *азъ же плотянъ есмь, проданъ подѣ грѣхѣ*, сказавши прежде: *азъ живяхъ кромѣ закона иногда*. Отъ такихъ словъ ихъ многіе въ тогдашнее время приходили въ удивленіе и изумленіе, а теперь, когда истина уже яснѣе обнаружилась, они оказываются не только далеко заблуждающимися,—но и дошедшими до крайняго богохульства, допустивъ, что души прежде заповѣди жили безъ тѣла, и разсудивъ, что онѣ сами по себѣ совершенно не доступны грѣху, они опять опровергнули свое ученіе, или лучше самихъ себя. Ибо усвояютъ имъ тѣла въ послѣдствіи въ наказаніе, за то, что онѣ согрѣшили прежде тѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвели на нихъ укоризны, уподобляя тѣло узамъ и оковамъ и говоря другія беземыслицы. А теперь, какъ сказано, все дѣло идетъ напротивъ. Ибо душа прежде грѣха должна существовать вмѣстѣ съ тѣломъ; потому что, если душа сама по себѣ не доступна грѣху, то она

никакимъ образомъ не согрѣшила бы прежде тѣла; а если согрѣшила, то уже сама по себѣ не недоступна грѣху, но скорѣе удобопреклонна и легко доступна; слѣдовательно и опять будетъ грѣшить, хотя бы и не получила этого тѣла, какъ грѣшила и прежде полученія онаго. Да и вообще для чего бы она получила тѣло въ послѣдствіи, послѣ совершенія грѣха? И какая была ей нужда въ тѣлѣ? Если для того, чтобы понести мученія и скорби, то почему же она вмѣстѣ съ тѣломъ роскошничаетъ и распутничаетъ? Какимъ образомъ также она является самовластною въ семъ мірѣ? Ибо отъ насъ зависитъ вѣровать и не вѣровать; поэтому отъ насъ же зависитъ исправиться и согрѣшить, отъ насъ—дѣлать добро и дѣлать зло. Да и какъ еще можно ожидать того будущаго суда, на которомъ Богъ воздастъ каждому по дѣламъ и намѣреніямъ? Не признать-ли, что судъ уже есть и теперь, если родиться и войти въ тѣло для души значитъ быть осужденной и получить возмездіе; а умереть и разлучиться съ тѣломъ значитъ освободиться и придти въ покой, потому что, по вашему мнѣнію, она заключена въ тѣло въ осужденіе и въ наказаніе за то, что согрѣшила прежде тѣла? Но разсужденіе достаточно и съ избыткомъ доказало, что не возможно признать, будто тѣло есть мѣсто мученія и узы души.

Гл. 50. И такъ, доказавъ изъ самаго Писанія,

что первозданные прежде преступленія состояли изъ души и тѣла, можно удовлетвориться и окончить здѣсь разсужденіе объ этомъ предметѣ. Теперь, дабы не выступать изъ порядка рѣчи, я разберу ихъ ученіе въ главныххъ основаніяхъ съ тѣмъ, чтобы возраженіями опровергнуть начала ихъ доказательствъ. Ибо вы уже сами можете видѣть, судіи, что сказанныя въ посланіи къ Римлянамъ слова: *азъ живяхъ кромѣ закона иногда* не могутъ, согласно съ ихъ мнѣніемъ, указывать на жизнь души прежде тѣла, какъ показываютъ послѣдующія за тѣмъ слова, хотя бы этотъ знаменитый врачъ, вырвавъ послѣдующее, усиливался передѣлать слова Апостола на пригодный ему смыслъ, поступивъ въ этомъ случаѣ не какъ врачъ, а какъ ребенокъ. Ибо вмѣсто того, чтобы соблюсти члены тѣлесныя въ ихъ собственныхъ сочлененіяхъ и связяхъ, дабы весь естественный видъ тѣла былъ цѣль, онъ, не обративъ вниманія, изуродовалъ связь писанія, какъ Скиоѣ, который безпощадно рѣжетъ члены какого-нибудь врага для его истребленія. Пусть такъ. Какъ же, скажутъ, разумѣлъ сіи слова Апостоль, когда ты доказалъ, что онѣ имѣютъ не такой смыслъ? Я сказалъ бы, что онѣ закономъ почитаетъ заповѣдь. Ибо пусть будетъ прежде всего по вашему предположенію, что онѣ заповѣдь назвалъ закономъ, — однакожь при этомъ онѣ не высказалъ, что первозданный прежде заповѣди жилъ безъ

тѣла, а только—безъ грѣха. Ибо не много протекло времени отъ сотворенія его до заповѣди, когда онъ жилъ безъ грѣха, не безъ тѣла, но съ тѣломъ. Скоро послѣ заповѣди они были изгнаны, очень краткое время проведши въ раю. А если кто, воспользовавшись слѣдующимъ изреченіемъ: *егда бо бѣхомъ во плоти, страсти грѣховныя, яже закономъ дѣйствоваху во удѣлѣхъ нашихъ* (Рим. 7, 5), думаетъ, будто Апостоль порицаетъ и обвиняетъ плоть, и если прибавить къ сему и то, что о томъ же сказано въ другомъ мѣстѣ, именно: *да оправданіе закона исполнится въ насъ; не по плоти ходящихъ, но по духу* или еще: *сущи бо по плоти, плотская мудрствуютъ, а иже по духу духовная, мудрованіе бо плотское смерть есть, а мудрованіе духовное животъ и миръ, зане мудрованіе плотское вражда на Бога: закону бо Божію не покарается, ниже бо можетъ. Вы же нѣсте во плоти, но въ дусѣ* (Рим. 8, 4. 5. 6. 7. 9); должно ли говорить такому человѣку: отрѣшился ли уже отъ жизни Апостоль и тѣ, къ которымъ онъ это писалъ, если онъ въ этомъ мѣстѣ порицалъ не жизнь по плоти, но плоть, или хотя еще былъ во плоти, но написалъ сіе, какъ бы не будучи во плоти? Не должно говорить такъ; ибо очевидно, что и самъ онъ былъ во плоти, и тѣ, къ которымъ онъ это писалъ. Если бы ни самъ онъ уже не былъ во плоти, ни тѣ, къ которымъ онъ пишетъ, какъ могъ бы онъ

сказать: *егда бо бѣхомъ во плоти, страсти грѣховныя, яже закономъ дѣйствоваху во удѣлахъ нашихъ?* И такъ онъ разсуждаетъ о жизни невоздержной, а не о самой плоти. Ибо ему обычно живущаго такимъ образомъ человѣка называть плотскимъ, равно какъ душевнымъ человѣкомъ такого, который потерялъ надежду усмотрѣть истину и свѣтъ таинства. Пускай же говорятъ, что душа совсѣмъ не можетъ спастись. Ибо написано: *душевенъ человекъ не пріемлетъ яже Духа Божія, юродство бо ему есть: духовный же вся востязуетъ* (1 Кор. 2, 15). На ряду съ душевнымъ представляется тамъ и духовный человѣкъ,—духовный въ числѣ спасаемыхъ, а душевный въ числѣ погибающихъ, и не потому, будто душа погибаетъ, а другое кромѣ души спасается; такъ и здѣсь, когда говорить, что плотскіе и сущіе во плоти погибаютъ и не могутъ угодить Богу, онъ старается истребить не плоть, но жизнь по плоти. Далѣе онъ говоритъ: *сущіи же во плоти Богу угодити не могутъ*, и тотчасъ присовокупляетъ: *вы нѣсте во плоти, но въ душѣ, понеже Духъ Христовъ живетъ въ васъ*; и нѣсколько далѣе: *поелику духъ воскресившаго Іисуса отъ мертвыхъ, живетъ въ васъ, воздвигий Христа изъ мертвыхъ оживотворитъ и мертвенная тѣлеса ваша живущихъ Духомъ Ею въ васъ. Тѣмъже убо, братіе, должны есмь не плоти, еже по плоти жити. Аще бо по плоти живете, имате умрети: аще*

ли дугомъ дьянія плотская умерщвляетъ, живи будете (Рим. 8, 8. 9. 11. 12. 13). Должно обратить вниманіе на удостовѣреніе Апостола, что не тѣло умерщвляется, а стремленіе тѣла къ сладострастію.

Гл. 51. Если же на это опять возразятъ и скажутъ: по чему же сказано: *мудрованіе плотское вражда на Бога, закону бо Божію не покарятся, ниже бо можетъ* (Рим. 8, 7): то надобно сказать, что и здѣсь они погрѣшаютъ. Ибо Апостоль сказалъ, что не можетъ покаряться закону Божію не самая плоть, но мудрованіе плоти, что совсѣмъ другое, нежели плоть. Такъ если бы кто либо сказалъ: примѣсь въ не хорошо очищеномъ серебрѣ не покоряется художнику, чтобы сдѣлать годный сосудъ, ибо не можетъ, потому что нужно прежде отдѣлить и очистить ее чрезъ огонь: то этимъ показалъ бы, что нельзя выработать въ полезный сосудъ не серебро, но находящуюся въ серебрѣ примѣсь мѣди и другое твердое вещество. Такъ и Апостоль, сказавъ о мудрованіи плоти, не сказалъ будто плоть не можетъ покаряться закону Божію, но мудрованіе во плоти, разумѣя стремленіе ея къ невоздержанію. Въ другихъ мѣстахъ онъ называлъ это иногда ветхимъ квасомъ злобы и лукавства, повелѣвая намъ совершенно очищать себя отъ онаго (1 Кор. 5, 7), иногда — закономъ, противоположимъ закону ума и плѣняющимъ (Рим. 7, 23). Но если бы онъ гово-

рять о самой плоти, что она не может покаряться закону Божию: тогда мы, будем ли распутствовать или грабить, или дѣлать другія какія нибудь подобнаго рода дѣла при посредствѣ тѣла, не могли бы заслужить осужденія отъ Праведнаго Судіи; потому что плоть не можетъ покаряться закону Божию. Ибо какъ можно было бы осуждать тѣло, когда оно живетъ сообразно съ присущею ему природою? Равнымъ образомъ тѣла нельзя было бы подчинить требованіямъ непорочности или добродѣтели, такъ какъ ему отъ природы свойственно не покаряться добру. Ибо если естество плоти таково, что она не можетъ покаряться закону Божию, а законъ Божій есть правда и цѣломудріе: тогда по необходимости совершенно нельзя было бы быть ни дѣвственникомъ, ни воздержникомъ. Если же дѣвствуютъ и воздерживаются: то воздерживаются очевидно потому, что покаряютъ тѣло; иначе не возможно воздержаться отъ грѣха. Если тѣло не можетъ покаряться закону Божию, то какимъ бы образомъ Іоаннъ подчинилъ свое тѣло чистотѣ, или Петръ—святости, или другіе—праведности? За чѣмъ же и Павелъ говоритъ: *да нецарствуетъ убо грѣхъ въ мертвеннѣмъ вашѣмъ тѣлѣ, во еже послушати въ похотьхъ его: ниже представляйте уды ваша оружія неправды грѣху: но представляйте себе Богови яко отъ мертвыхъ живыхъ и уды ваша оружія правды Богови*

(Рим. 6, 12—13)? И еще: *якоже бо представите уды ваша рабы нечистотѣ и беззаконію въ беззаконіе: тако нынѣ представите уды ваша рабы правдѣ во святынь* (ст. 19).

Гл. 52. И такъ Апостоль зналъ, что эта внѣшняя храмина можетъ быть исправлена и направлена къ добру, чтобъ умерщвлены были въ ней грѣхи. Иначе, какимъ образомъ человекъ и въ нашемъ положеніи можетъ поработиться правдѣ, если прежде не покоритъ члены своего тѣла такъ, чтобы они повиновались уже не грѣху, но правдѣ, и не будетъ вести жизнь, достойную Христа? Поелику согрѣшеніе и не согрѣшеніе происходитъ при посредствѣ тѣла, такъ какъ душа пользуется имъ, какъ орудіемъ, въ добродѣтели или въ пороки. И если *ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни малакїи, ни мужеложницы, ни тати, ни лихоимцы, ни пїяницы, ни досадители, ни хищницы царствїя Божїя* наследить не могутъ (1 Кор. 6, 9. 10), а дѣла эти совершаются и усиливаются при посредствѣ тѣла,—и оправдаться не можетъ никто, если прежде не воздержится отъ нихъ; воздерживается же отъ нихъ тотъ, кто направленъ къ цѣломудрію и вѣрѣ: то отсюда слѣдуетъ, что тѣло покаряется закону Божію; потому что законъ Божій есть цѣломудріе. Посему-то Апостоль сказалъ, что не покаряется добру не плоть, но мудрованіе плотское, какъ бы истребляя самое ея стрем-

леніе къ невоздержанію равно какъ воспламененіе души къ неправдѣ. Вооружаясь даже и противъ невоздержанія чревобѣсія, онъ сказалъ, что нужно очищать себя, научая истреблять таковыя пожеланія и страстныя влеченія и пристыждая тѣхъ, которые думаютъ проводить жизнь въ такихъ удовольствіяхъ, которые признаютъ чрево богомъ (Фил. 3, 10), *да ямы и піемъ, утрь бо умремъ* (1 Кор, 15, 32), какъ ненасытныя животныя, заботящіяся только о дольней пищѣ и трапезахъ. Сказавши: *брашна чреву и чрево брашномъ*, онъ присовокупилъ: *Богъ же и сіе и сія упроднитъ: тьло же не блуженію, но Господеви и Господь тьлу. Богъ и Господа воздвиже, и насъ воздвинетъ силою своею. Или не вьсте, яко тьлеса ваша удове Христовы суть? вземъ ли убо уды Христовы, сотворю уды блудниччи? да не будетъ. Или не вьсте, яко прильпляяся сквернодѣиць, едино тьло есть. Будета бо, рече, оба въ плоть едину. Прильпляяся же Господеви, единъ духъ есть. Блжайте блудодѣянія: всякъ ырѣхъ, его же аще сотворитъ человекъ, кромь тьла есть: а блудяй во свое тьло согрѣшаетъ. Или не вьсте, яко тьлеса ваша храмъ живуцаго въ васъ святаго Духа суть, его же имате отъ Бога, и имьсте свои; куплени бо есте цыною: прославите убо Бога въ тьлесехъ вашихъ* (1 Кор. 6, 13—20).

Гл. 53. Примѣть, что Апостоль потому сказалъ эти слова, что тѣло сіе можетъ воспріять

законъ Божій и безсмертіе, если очистится отъ нечистыхъ разженій, совершенно не оскверняясь беззаконными возбужденіями страстей. Ибо что другое можетъ прилѣпляться къ сквернодѣйцѣ, сближаться и быть одною плотію съ нею чрезъ соединеніе и взаимное общеніе членовъ, какъ не это внѣшнее тѣло, которымъ совершаются всѣ эти прегрѣшенія, относящіяся къ совокупленію и разженію? Поелику *всякъ грѣхъ, ели же аще сотворитъ человекъ, кроми тѣла есть: а блудяи во свое тѣло согрѣшаетъ* (1 Кор. 6, 18). Ибо гордость, невѣріе, ярость, лицемѣріе суть грѣхи души: а блудъ, похоть, развратъ суть грѣхи тѣла; съ ними ни душа не можетъ воспарить къ истинѣ, ни тѣло подчиниться правиламъ цѣломудрія: но оба должны лишиться царства Божія. И такъ, если тѣла наши, содержимыя въ святости, суть *храмъ живущаго въ насъ Духа* (1 Кор. 6, 19), если и Господь пребываетъ въ тѣлѣ, и члены тѣла суть члены Христовы: значить, тѣло покарается закону Божию и можетъ наследовать царствіе Божіе. *Ибо воздвигий Христа изъ мертвыхъ, говоритъ Апостоль, оживотворитъ и мертвенныя тѣлеса ваша живущимъ Духомъ Ели въ васъ* (Рим. 8, 11), *да смертное сіе облечется въ бессмертіе и тльное въ нетльнїе и пожерта будетъ смерть побѣдою* (1 Кор. 15, 54). Не о другомъ тѣлѣ, какъ вы думаете, разсуждалъ здѣсь Апостоль, но объ этомъ умирающемъ и умерщвляе-

момъ, посредствомъ котораго можно и блудо-
дѣйствовать и распутствовать.

Гл. 54. Если же они предполагають, что есть различіе между тѣломъ и плотію, и желаютъ, чтобъ и мы согласились на такое ихъ умствованіе, по которому они тѣломъ почитаютъ нѣчто другое, какъ бы свойственное самой душѣ, не видимое, а плотію — это внѣшнее, видимое: то противъ сего должно сказать, что не только Павелъ и Пророки плоть сію обыкновенно называютъ тѣломъ, но даже и другіе философы, у которыхъ въ особенности наблюдается точность названій. Если они хотятъ научно изслѣдовать это, то вообще плотію называется собственно не вся эта масса нашей тѣлесной хранины, но нѣкоторая часть цѣлаго, какъ то: кости, нервы, жилы: а тѣломъ— всё, цѣлое. Поэтому врачи, которые тщательно изслѣдовали природу тѣла, называютъ тѣломъ это видимое. Да и самъ Платонъ это самое признаетъ тѣломъ. Такъ въ Федонѣ Сократъ говоритъ: „не ужели мы почитаемъ смертію что нибудь другое, а не отрѣшеніе души отъ тѣла? Умереть не то ли значить, что тѣло, отрѣшенное отъ души, существуетъ само по себѣ, а душа безъ тѣла сама по себѣ?“ *) И блаженный Моисей (мы опять обращаемся къ Господнимъ писаніямъ) не это ли тѣло разумѣть, которое и мы называемъ, когда говоритъ: *и да измѣтѣ*

*) Phaedon. 64, C.

ризы во время очищенія прикоснувшійся къ нечистому и да омыется тѣло его водою, и нечистъ будетъ до вечера (Дев. 14, 9. 11, 25)? Что же и Ювъ? Не это ли мертвенное тѣло обозначаетъ и онъ сими словами: *льзится же мое тѣло въ иои червей* (Юв. 7, 5)? Да и Соломонъ говоритъ: *въ злохудоужную душу не видетъ пренудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси повинильмъ грѣху* (Прем. 1, 4). И у Даниїла говорится о мученикахъ: *не одоль огнь тѣлеси ихъ, и власъ главы ихъ не опалился* (Дан. 3, 94). Также и Господь въ Евангеліи: *сего ради глаголю вамъ: не пецуйтеся, что ясте, или во что облечется. Не душа ли больше есть пици, и тѣло одежды* (Мат. 6, 25). И Апостоль словами: *да не царствутъ грѣхъ въ мертвенильмъ тѣлѣмъ вашемъ* (Рим. 6, 12), указываетъ на это тѣло, въ которое мы облечены: и еще: *аще ли же Духъ воскресившаго Исуса живетъ въ васъ, воздвигий Христа изъ мертвыхъ оживотворитъ и мертвенныя тѣлеса ваша* (Рим. 8, 11); и опять: *аще речетъ нога, яко нльсть рука, нльмъ отъ тѣла: еда сего ради нльсть отъ тѣла* (1 Кор. 12, 15); и еще: *и не изнемогъ върою Авраамъ, ни усмотри своя плоти (бѣма) уже умерщвленныя* (Рим. 4, 19); также: *всьмъ бо явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да приметъ кійждо, яже съ тѣломъ содыла* (2 Кор. 5, 10); равно какъ: *посланія тяжки и крпки, а пришествіе тѣла не мощно*

(2 Кор. 10, 10) еще: *вѣмъ челоуѣка о Христвѣ прежде лѣтъ четьренадесяти: аще въ тѣлѣ, не вѣмъ, аще ли кроуль тѣла не вѣмъ* (2 Кор. 12, 2); и опять: *тако должны суть мужіе любить своя жены, яко своя тѣлеса* (Еф. 5, 28); еще: *Самъ Богъ мира да освятитъ васъ всесовершенныя: и всесовершенъ вашии духъ, и душа и тѣло непорочно въ пришествіе Господа нашего Исуса Христа да сохранится* (1 Сол. 5, 23.). Но они ничего этого вѣрно не понявъ, подумали, что Апостоль находится въ волненіи и смущеніи, какъ будто мысли его не имѣють твердости и основательности въ словахъ, но вращаются туда и сюда и сами себѣ противорѣчатъ: то говоритъ онъ, *плоть воскреснетъ*, то не воскреснетъ.

Гл. 55. Посему, дабы не опустить ничего изъ предложеннаго, я опять возвращусь къ предмету, чтобы совершенно изрубить гидру. Представивъ въ порядкѣ, какъ я обѣщалъ, и другія основанія ихъ недоумѣнія, и доказавъ, что должно сказать противъ оныхъ, я велѣдъ за симъ покажу и то, что касательно вѣры въ воскресеніе плоти противникъ сказалъ согласно и тождественно съ нами. И такъ рассмотримъ то, что прежде рѣшились мы сказать о словахъ Апостола. Слова его: *азъ же живяхъ безъ закона иногда*, какъ мы показали сначала, означють прежнюю жизнь нашу въ лицѣ прародителей, въ раю, прежде заповѣди, не безъ тѣла,

но вмѣстѣ съ тѣломъ; поелику прежде нежели дана была заповѣдь, Богъ *персть вземь созда чловька* (Быт. 2, 7): и тогда мы жили безъ похоти, совершенно не зная прираженій неразумной похоти, которая увлекательными обольщеніями удовольствій понуждаетъ насъ къ невоздержанію. Ибо чтò не имѣеть опредѣленнаго закона, сообразно съ которымъ должно жить, ни самостоятельной власти разсудка, какой избрать образъ жизни, для того чтобы заслужить справедливую похвалу или порицаніе,—то, надобно сказать, свободно отъ всякаго обвиненія; потому что такой чловѣкъ не можетъ пожелать того, что не запрещено; а если пожелаетъ, не будетъ виновать. Ибо желаніе наклоняется не къ присущимъ и находящимся въ нашей власти предметамъ, но къ такимъ, которые, хотя присущи намъ, но не въ нашей власти находятся. Какъ же можетъ кто-либо желать и любить то, что ему не воспрещено и въ чемъ онъ не имѣеть нужды? Посему *похоти не въдахъ, аще не бы законъ глаголахъ: не похощеши* (Рим. 7, 7). Послѣ же того, какъ прародители услышали: *отъ древа, еже разумити доброе и лукавое не съесте отъ него: а въ онъ же аще день съесте отъ него, смертію умрете* (Быт. 2, 17),—тогда возымѣли страсть и похоть. Ибо похотствующій желаетъ не того, что имѣеть, надъ чѣмъ властвуетъ и чѣмъ пользуется, но того, что воспрещено ему, и отнято

и чего не имѣть; посему прекрасно сказано: *похоти не въдахъ, аще не бы законъ глаголахъ: не похощеши*, то-есть, если бы не было сказано: *не сънѣте отъ него*. Отсюда грѣхъ получилъ мѣсто и поводъ къ происхожденію, дабы оболѣстить и увлечь меня.

Гл. 56. Послѣ того, какъ дана была заповѣдь, діаволь сталъ имѣть поводъ посредствомъ заповѣди произвести во мнѣ похоть, возбудивъ и склонивъ меня хитростью въпасть въ желаніе запрещеннаго. *Безъ закона бо грѣхъ мертвъ есть* (Рим. 7, 8), то-есть, доколѣ не дана была и еще не существовала заповѣдь, грѣхъ былъ не дѣйствующимъ, и я прежде заповѣди жилъ непорочно, такъ какъ не имѣлъ опредѣленнаго закона и повелѣнія, сообразно съ которымъ должно было жить, и которое если бы нарушилъ, то согрѣшилъ бы. *Пришедшей же заповѣди, грѣхъ убо оживе: азъ же умрохъ, и обрѣтешя ми заповѣдь, яже въ животѣ, сія въ смерть* (Рим. 7, 9—10), потому что послѣ того, какъ Богъ положилъ законъ и опредѣлилъ, что должно дѣлать и чего не дѣлать, діаволь произвелъ во мнѣ похоть. Такимъ образомъ это увѣщаніе Божіе и повелѣніе, данное мнѣ для жизни и безсмертія, для того, чтобы повиновался оному и живя согласно съ нимъ, я имѣлъ радость и жизнь безпечальную и вѣчно блаженную, и всегда цвѣтущую безсмертіемъ, по нарушеніи мною онаго, обратилось мнѣ въ

смерть и осужденіе. Поелику діаволь, котораго теперь Апостоль назваль грѣхомъ, потому что онъ есть виновникъ и изобрѣтатель грѣха, чрезъ заповѣдь получилъ случай, обманомъ склонилъ меня къ преслушанію и, оболъстивъ, умертвилъ, какъ подлежащаго приговору: *въ онъ же аще день съѣсте отъ него, смертію умрете* (Быт. 2, 17).—*Тѣмъже убо законъ святъ и заповѣдь Божія свята, и праведна и блага* (Рим. 7, 12); потому что дана не во вредъ, а для спасенія: ибо мы совершенно не должны думать, чтобы Богъ дѣлалъ что-нибудь бесполезное, или вредное. И такъ ужели благо содѣлалось для меня смертію, то-есть законъ данный съ тѣмъ, чтобы быть для меня виною величайшаго блага? Да не будетъ. Потому что заповѣдь Божія дана не для того, чтобы поработить меня тлѣнію и наложить на меня печать смерти, виновницы погибели, но дабы обнаружился діаволь, посредствомъ добраго устроившій мнѣ зло, дабы онъ оказался и изобличенъ былъ, какъ грѣшникъ по преимуществу—изобрѣтатель и строитель грѣха, и дабы отлученъ былъ отъ всего добраго, устроившій противное заповѣди Божіей. *Вѣлыбо яко законъ духовенъ есть*, почему никому и ни въ чемъ не можетъ быть причиною вреда; потому что духовное обитаетъ далеко отъ неразумной похоти и грѣха; *азъ же плотянь есмь, продаанъ подѣ грѣхъ* (Рим. 7, 14) то-есть я будучи плотянь и поставленъ

среди зла и добра, какъ самовластный, дабы могъ избирать, что хочу,—(ибо говорить: я положилъ *предъ лицомъ твоимъ жизнь и смерть* Втор. 30, 15)—когда уклонился къ преслушанію закона духовнаго, то-есть заповѣди, и послушался плотскаго, то-есть совѣта змія: то вслѣдствіе этого выбора падши во грѣхъ, я проданъ былъ діаволу. Отсюда зло, осадивъ меня, сидитъ на мнѣ и водворившись живетъ во плоти моей, какъ трутень въ пчелиномъ сотѣ, часто летая и жужжа вокругъ него. Поелику за нарушеніе заповѣди наложено на меня наказаніе — быть проданнымъ злу: то я и *не разумлю, еже содѣваю*, помышляя о томъ, чего не желаю. Ибо слова: *еже содѣваю не разумлю, и еже ненавижду, то содѣлаю* (Рим. 7, 15), должно принимать не по отношенію къ совершенію и содѣланію зла, но только по отношенію къ помышленію, такъ какъ посторонніе помыслы часто прилетаютъ къ намъ и склоняютъ насъ къ тому, чего не желаемъ и душа помыслами увлекается ко многимъ предметамъ.

Гл. 57. Ибо совершенно не въ нашей волѣ находится имѣть, или не имѣть помыслъ о чемъ нибудь непригодномъ, но слѣдовать или не слѣдовать помысламъ зависитъ отъ насъ. Мы не можемъ воспретить, чтобы отъ насъ наносимые для нашего искушенія помыслы не входили въ насъ; но не повиноваться, или не слѣдовать

имъ можемъ. Иначе какимъ образомъ Апостоль зло, которое ему не нравилось, дѣлалъ гораздо болѣе, а добро менѣе,—если бы онъ не говорилъ здѣсь о постороннихъ помыслахъ, которые къ намъ приходятъ иногда противъ нашей воли и неизвѣстно по какой причинѣ? Впрочемъ сіи помыслы надобно уничтожать и обуздывать, дабы, расширяясь за предѣлы, они не овладѣли душою,—а при занятіи ими добро возникнуть въ насъ не можетъ. Посему справедливо сказалъ Апостоль: *еще бо содѣваю, не разумлю: не еще бо хочу, творю: но еще ненавижду, то содѣловаю.* Мы хотимъ, чтобы и не мыслить о неподобающемъ и незаконномъ, потому что совершенное добро состоитъ въ томъ, чтобы удерживаться не только отъ совершения зла, но даже и отъ помышленія о немъ: но вотъ добро, котораго хотимъ, не дѣлается, а дѣлается зло, котораго не желаемъ. Ибо часто противъ нашей воли приходятъ намъ на сердце безчисленные помыслы о безчисленныхъ предметахъ, наполняющіе насъ заботою и неразумными хлопотами. Посему желать не помышлять о такихъ предметахъ состоитъ въ нашей волѣ, а сдѣлать такъ, чтобы уничтожить эти помыслы, такъ чтобы они опять не пришли намъ на умъ, нельзя, потому что, какъ я сказалъ, это не въ нашей власти, а въ нашей власти только слѣдовать имъ, или не слѣдовать. Посему смыслъ сего изреченія: *не еще хочу*

доброє, сіє творю слѣдующій: хочу даже и не помышлять о томъ, что вредитъ мнѣ, поелику то добро безукоризненно, которое какъ говорится, „сдѣлано безукоризненно и совершенно и по рукамъ и по уму“*): *но не еже хощу доброє, творю: но еже не хощу злоє, сіє содѣваю*; не хочу мыслить, — и мыслю, о чемъ не хочу. И посмотрите, не по этому ли самому и Давидъ, болѣзнуя о томъ, что помышляетъ о томъ, о чемъ самъ не хотѣлъ бы, просилъ Бога: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя, и отъ чуждыхъ пощади раба твоего; аще не обладаютъ мною, тогда непороченъ буду и очищуся отъ грѣха велика* (Пс. 181, 13—14); и самъ Апостоль въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *помышленія низлагающе, и всяко возношеніе взимающееся на разумъ Божій и плняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово.* (2 Кор. 10. 5).

Гл. 58. Если же кто, отваживаясь идти вопреки сихъ словъ, возразитъ, будто Апостоль учитъ, что не въ помышленіи только мы дѣлаемъ зло, которое ненавидимъ и котораго не желаемъ, но въ самомъ дѣйстви и совершеніи онаго, потому что Апостоль сказалъ: *не еже*

*) Это мѣсто взято Платономъ изъ Симопада и читается въ діалогѣ Протагоръ такъ: ἀνδρ' ἀγαθὸν μὲν ἀλαθῶς γενέσθαι χαλεπὸν, χερσὶ τε καὶ ποσὶ καὶ νόῳ τετραγώνον, ἀνευ νόου τετραγμένον то-есть истинно трудно сдѣлаться челоѣкомъ добрымъ, совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ (буквально: четверугольнымъ по рукамъ ногамъ и уму) устроеннымъ безукоризненно.“ Protagor 339. 13.

хочу доброе, творю: но еже не хочу злое, сіе содѣваю: въ такомъ случаѣ, если говорящій это говоритъ правду, мы попросимъ его объяснить: что это за зло, которое Апостоль не навидѣлъ и не хотѣлъ дѣлать, однакоже дѣлалъ, и что это за добро, которое онъ хотѣлъ дѣлать, и однакожь не дѣлалъ: но напротивъ сколько разъ хотѣлъ сдѣлать добро, столько разъ дѣлалъ не добро, котораго хотѣлъ, но зло, котораго не хотѣлъ. То ли, что онъ, не желая служить идоламъ, а служить Богу, не могъ служить Богу, чего хотѣлъ, а могъ служить идоламъ, чего не хотѣлъ? Или то, что желая быть цѣломудреннымъ, сего не дѣлалъ, а напротивъ предавался невоздержанію, которымъ гнушался? И кратко сказать: пьянство, распутство, гнѣвъ, неправду и другія дѣла порочныя, которыхъ не хотѣлъ, дѣлалъ: а правды и святости, которыхъ желалъ, не дѣлалъ? Однакоже онъ самъ, усиленно побуждая всѣхъ въ церкви удаляться отъ беззаконій, и стараясь развить въ насъ праведность безъ примѣси грѣха, внушаетъ, что блюдутся для погибели и гнѣва не только тѣ, которые дѣлають непотребныя дѣла и занимаются ими, но и тѣ, которые соизволяютъ имъ въ этомъ (Рим. 1, 32). Поелику всякій грѣхъ и намѣреніе достигаетъ исполненія посредствомъ плоти, то, ясно научая насъ отвращаться всего этого и ненавидѣть, онъ часто говоритъ въ посланіяхъ: *не льстите себе:*

ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни мужеложницы, ни тати, ни лихоилицы, ни пїяницы, ни досадители, ни хищницы, царствїя Божїя не наследуютъ (1 Кор. 6, 9—10). И, самое главное, убѣждая насъ всячески совершенно удаляться и отвращаться грѣха, говоритъ: *подражатели лишь бывайте, якоже и азъ Христу* (1 Кор. 11, 1.). Такимъ образомъ онъ сказалъ вышеприведенныя слова не въ томъ смыслѣ, будто онъ дѣлаетъ, чего не хотѣлъ, но въ томъ, что онъ только помышляетъ: иначе какъ бы онъ былъ строгимъ подражателемъ Христу? А теперь поелику животныя помыслы часто нападаютъ на насъ, наполняя насъ то тѣми, то другими пожеланїями и неразумными позывами, „какъ мухъ неисчетныхъ рой густые“ *); то посему онъ сказалъ: *не еже хочу, сіе творю*. Сїи помыслы мы должны смѣло изгонять изъ души, никакъ не соглашаясь дѣлать то, что они внушаютъ. Ибо для того умъ нашъ и подвергается смущенію отъ многихъ помысловъ, чтобы мы, испытавъ всякія удовольствїя и скорби, наследовали царство небесное, если не перемѣнимся къ худшему, но напротивъ всячески искусенные, какъ чистое золото огнемъ, не отступимъ отъ своей добродѣтели. Поэтому мужественно должны мы противостать помысламъ, какъ храбрые воины, которые, узнавъ, что, осаждены врагами, ни-

*) Иліад. 2, 469.

сколько не обращаютъ вниманія на стрѣлы и разныя ихъ копья, но бодро устремляются на нихъ для спасенія города и нимало не ослабѣваютъ въ своемъ усердіи, доколѣ, обративъ въ бѣгство ихъ полчище, не изгонятъ ихъ изъ своихъ предѣловъ. Видишь, какъ помыслы, по причинѣ живущаго въ насъ грѣха, отвнѣ встаютъ на насъ, подобно бѣшеннымъ псамъ, или свирѣлымъ и дерзкимъ разбойникамъ, которыхъ всегда направляетъ противъ насъ жестокой властитель и князь неправды, и которые испытываютъ насъ, имѣемъ ли мы силу противостать имъ и воспротивиться.

Гл. 59. И такъ смотри, душа, чтобы тебѣ, поддавшись ему, не быть увлеченною въ его власть; тогда мы не въ состояніи будемъ дать за тебя выкупа. *Ибо что дастъ человекъ измѣну за душу свою (Матѳ. 16, 26)?* Хорошо и отградно было бы, еслибы мы не имѣли противодействующихъ намъ и сражающихся съ нами. Но такъ какъ это невозможно; и мы не можемъ достигнуть того, чего желаемъ (ибо мы желаемъ не имѣть увлекающихъ насъ въ страсти—тогда вѣдь безъ труда можно бы спастися; — но чего мы желаемъ, то не дѣлается, а бываетъ то, чего не желаемъ, потому что намъ нужно, какъ я сказалъ, испытаніе), поэтому не поддадимся, душа, не поддадимся лукавому, *воспрїимите вся оружія Божія*, насъ защищающія и приготовляющія къ подвигу, облечемся

въ броня правды и объемъ нозь во уготованіе благовѣствованія мира: надѣ всѣми же воспріимемъ щитъ вѣры, въ немже возможемъ вся стрѣлы лукаваго разженныя угасити, и шлемъ спасенія воспріять, и мечъ духовный, иже есть глаголь Божій; яко возможи стати противу кознемъ діавольскимъ (Еф. 6, 11—17); и низложить всяко возношеніе, взимающееся на разумъ Божій (2 Кор. 10, 5), яко нѣсть наша брань въ крови и плоти (Еф. 6, 12). Это я говорю потому, что таковъ характеръ писаній Апостола. Ибо много можно сказать о каждомъ изреченіи въ этомъ посланіи, какъ правильно и строго оно выражено; но долго было бы такимъ образомъ разсматривать каждое изъ нихъ. Я имѣлъ теперь въ виду показать только характеръ и цѣль его рѣчи. Справедливо говорить онъ: *не еже бо хошу, сіе творю, но еже ненавижду, то содѣваю. Хвалю законъ Божій, яко добръ: нынѣ же не ктому азъ сіе содѣваю, но живый во мнѣ грѣхъ. Въмъ бо, яко не живеть во мнѣ, сирѣчь, въ плоти моей, доброе* (Рим. 7, 15. 16. 17. 18). Впрочемъ вы помните, что мы выше поставили себѣ предѣлы, а если я, при всей поспѣшности, желая скоро все изъяснить, слишкомъ замедляю, и объемъ моей рѣчи сталъ больше, чѣмъ я ожидалъ: то надобно же постараться ее окончить: иначе мы никогда не достигнемъ конца въ предложенномъ разсужденіи.

Гл. 60. И такъ мы говорили, если вы помните, что съ того времени, какъ человекъ, прельстившись, нарушилъ заповѣдь, грѣхъ, получившій начало отъ сего преслушанія, вселился въ него. Такимъ образомъ сперва произошло возмущеніе, — и мы исполнились пожеланій и помысловъ чуждыхъ, лишившись Духа (*ἐμψυβήματος*) Божія и исполнившись плотской похоти, которую вложилъ въ насъ хитрѣйшій змій, когда мы въ короткое время вышли изъ круга повелѣнія Божія. Посему-то для истребленія грѣха Богъ избрѣлъ для насъ смерть; иначе въ насъ безсмертныхъ онъ и самъ, какъ я сказалъ, былъ бы безсмертенъ. Такимъ образомъ словами: *вѣлѣ яко не живетъ во мнѣ, сиречь во плоти моей, доброе*, Апостоль хочетъ показать, что вслѣдствіе преступленія, посредствомъ пожеланія, вселился въ насъ грѣхъ, отъ котораго, какъ молодые отпрыски и побѣги, всегда возникаютъ въ насъ любострастные помыслы. Ибо есть въ насъ два рода помысловъ: одни возникаютъ отъ вкравшейся въ тѣло похоти, которая, какъ я сказалъ, произошла отъ вліянія плотскаго духа (*τῆ ὑλικῆ πνεύματος*): другіе происходятъ отъ закона заповѣди, который получили мы, какъ врожденный и естественный законъ, возбуждающій насъ къ добру и исправляющій нашу мысль. Оттого, по уму мы соулаждаемся закону Божію (это внутренній человекъ), а по живущей во плоти похоти соус-

лаждаемся закону діавола; — это тотъ законъ, который протизувоюеть и противудѣйствуетъ закону Божію, то-есть стремленію ума къ добру, тотъ самый, который всегда производитъ въ насъ страстныя и плотскія влеченія къ беззаконію, совершенно увлекаая къ сладострастію.

Гл. 61. Мнѣ кажется, что Павелъ очевидно предполагаетъ здѣсь три закона: изъ коихъ одинъ соотвѣтствуетъ врожденному въ насъ добру, который онъ ясно назвалъ *закономъ ума*; другой происходитъ отъ прираженія лукаваго и часто увлекаетъ душу въ страстныя представленія, который назвалъ онъ *противовоюющимъ закону ума*; третій, — который укоренился во плоти велѣдствіе грѣха отъ похоти, и который назвалъ онъ *закономъ грѣховнымъ*, живущимъ *во удльхѣ* (Рим. 7, 23). Утверждаясь на этомъ законѣ и имъ управляя, лукавый часто вооружается противъ насъ, понуждая насъ къ неправдѣ и злымъ дѣламъ. Отгнѣ внушаемый лукавымъ законъ и чрезъ чувства, подобно асфальтовой лавѣ, изливающейся внутрь въ самую душу, поддерживается закономъ, находящимся во плоти велѣдствіе похоти. Кажется, что въ насъ самихъ есть одно начало лучшее, а другое—худшее. Когда лучшее по природѣ будетъ сильнѣе худшаго, тогда весь умъ устремляется къ добру: а когда худшее, усилившись, будетъ подавлять лучшее, что называется воевать про-

тивъ вложеннаго въ насъ добра, тогда, напротивъ, человекъ опять влечется къ разнаго рода мечтаніямъ и худымъ помысламъ.

Гл. 62. Посему-то Апостоль и желаетъ отъ сего избавиться, почитая это смертію и гибелью, какъ говорить и пророкъ: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя* (пс. 18, 13), Это выражаютъ и слѣдующія слова: *соуслаждаюся бо закону Божию по внутреннему чельвкѣ: вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ противувоюющъ закону ума моего и плняющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ. Окаяненъ азъ чельвкѣ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего* (Рим. 7, 22—24): не тѣло онъ называетъ смертію, но *законъ грѣховный*, который вслѣдствіе преступленія кроется *во удѣхъ* нашихъ и всегда обольщая душу, ведетъ ее къ смерти неправды. Посему разсуждая, отъ какой смерти желать онъ избавиться, и кто избавитъ его, тотчасъ присовокупляетъ: *благодареніе Богу Іисусомъ Христомъ* (ст. 25). Должно, Аглаофонъ, обратить вниманіе на то, что, еслибъ Апостоль тѣло сіе называлъ смертію, какъ вы думаете, то не упомянулъ бы о Христѣ, какъ избавляющимъ его наконецъ отъ такого зла. Ибо что особеннаго или какое преимущество въ этомъ отношеніи получили мы отъ пришествія Христова? Да и почему вообще Апостоль говоритъ, будто бы вслѣдствіе пришествія Христова можетъ быть избавленъ Богомъ отъ смерти, ког-

да всёмъ и прежде пришествія Христова въ міръ приходилось умирать? Ибо всё разлучалось съ тѣлами, при исходѣ изъ сей жизни, избавлялись; даже одинаково всё души—и вѣрныхъ, и невѣрныхъ разлучались съ тѣлами въ день смерти. Что же ббльшаго старался получить Апостоль сравнительно съ другими, проведеншии жизнь въ невѣріи? Или, если онъ тѣло считалъ смертію души, то для чего онъ желалъ избавиться отъ тѣла, когда это и безъ его желанія, конечно, случилось бы съ нимъ, такъ какъ всёмъ суждено умереть и душамъ ихъ разлучиться съ тѣлами? И такъ не тѣло сіе, Аглагоффонъ, онъ называетъ смертію, но въ тѣлѣ посредствомъ похоти поселившійся грѣхъ, отъ котораго Богъ избавилъ человѣка пришествіемъ Христовымъ. *Законъ бо духа жизни о Христѣ Иисусѣ свободилъ насъ отъ закона грѣховнаго и смерти* (Рим. 8, 2), *да воздвигнй Христа изъ мертвыхъ живущимъ Духомъ его въ насъ, оживотворитъ и мертвенныя тѣла наша* (ст. 11), по осужденіи грѣха находящагося въ тѣлѣ, на истребленіе; дабы явилось въ прежней силѣ требованіе закона естественнаго, согласно съ заповѣдію влекущаго насъ къ добру,—требованіе, которое, по причинѣ возобладанія грѣха надъ плотію прежде пришествія Христова сдѣлавшись бессильнымъ, было подавляемо земными заботами. Ибо *немоущее* добра, въ насъ естественнаго, *въ немъ же немоуществоваше* отъ

преобладанія находящейся въ тѣлѣ похоти,— Богъ укрѣпиль, *пославъ Сына своего*, воспріившаго плоть, подобную *плоти грѣха* (ибо что явилось, то было истиною, а не призракомъ), дабы по осужденіи грѣха на истребленіе, такъ чтобы онъ не приносилъ уже болѣе плодовъ во плоти, *оправданіе закона* естественнаго исполнилось и приумножилось послушаніемъ въ тѣхъ, которые ходятъ не по плотской похоти, но по желанію и наставленію духа (ст. 3: 4). *Законъ бо духа жизни*, то-есть Евангеліе, будучи отличнымъ отъ вышесказанныхъ законовъ, посредствомъ проповѣди предложенный къ повиновенію и для прощенія грѣховъ, *свободилъ насъ есть отъ закона грѣховнаго и смерти* (ст. 2), совершенно побѣдивъ грѣхъ, царствующій во плоти.

И такъ, Теофилъ! что они возражають, и что изъ словъ Апостола неправильно толкують, я разъяснилъ и изложилъ. Теперь обращусь къ другому, если найдемъ себѣ помощника въ изложеніи рѣчи. Поелику послѣдующее запутанно и не совсѣмъ удобно для опроверженія: поэтому я съ большею робостію приступаю къ сему, видя, какъ длинны и трудны будутъ ихъ доказательства; развѣ только какое-нибудь дуновеніе мудрости, вдругъ повѣявшее съ неба, приведетъ насъ, къ плывущимъ среди моря, къ необуреваемой пристани и къ вѣрнѣйшему доказательству.

Доселъ взято изъ твореній Меодія.

Гл. 63. Предложивъ здѣсь въ непрерывномъ порядкѣ изъ разсужденій блаженнаго Меодія, называемаго и Еввуліемъ, именно изъ того же слова о воскресеніи, что говоритъ онъ о выше-сказанномъ Оригенѣ и его зловѣрїи, разспространяемомъ посредствомъ софистической прелести, — мы признали это достаточнымъ противъ его пустословія и вредныхъ для человѣческой жизни мыслей, проистекающихъ отъ злонаправія, прикрашеннаго еллинскимъ суевѣріемъ. Конечно много и еще сказано, и столько же еще стихами, въ изслѣдованіи объ этомъ предметѣ у вышепоименованнаго Меодія, мужа ученаго и крѣпко подвизавшагося за истину; но поелику мы обѣщали о каждой ереси, для ея опроверженія, говорить немного, то здѣсь мы удовольствовались тѣмъ, что предложили изъ его труда. Прибавивъ сами отъ своего убожества еще немного противъ того же пустословія этого человѣка, мы окончимъ съ нимъ споръ, отдавъ честь побѣды побѣдоносному Богу, Который, по особенному своему человѣколюбію, всегда украшаетъ церковь свою неувядающими вѣнцами — вѣщаніями истины. Итакъ будемъ и сами по силамъ говорить противъ Оригена.

Ты, любезнѣйшій, насмѣхаясь, говоришь, какъ у меня и выше показано: неужели Богъ былъ

кожевникомъ, что сдѣлалъ Адаму и Евѣ кожанья одежды, когда животныя еще не были приносимы въ жертву? А если и были приносимы, то и тогда это не были, говорить, кожанья одежды, но земное тѣло, въ которое мы облечены. Раствлявая невѣріемъ челоувѣчество, ты во всемъ изобличаешься, какъ послѣдователь лукавства діавола и коварства змія, который и Еву обольстилъ и всегда растлвваетъ мысли простыхъ душъ коварствомъ, дѣйствующимъ на ихъ помышленія. Итакъ, посмотримъ, можетъ ли устоять сказанное тобою, надъ чѣмъ ты столько трудился и вотще подвизался въ написаніи столькихъ книгъ. Ибо если справедливо, что говорятъ о тебѣ, пустой труженникъ, будто ты написалъ шесть тысячъ книгъ и весь трудъ употреблялъ на укоризны и пустозвонство, то ты по пустому и напрасно предпринялъ свою работу, погрѣшая въ необходимомъ, именно превратно толкуя ученіе о воскресеніи,—и такимъ образомъ лишилъ самъ себя за трудовую работу всякой надежды на приобрѣтеніе выгоды. Ибо если не воскресаетъ тѣло, то и душа ничего не наслѣдуетъ; потому что одно и тоже общеніе и одна дѣятельность души и тѣла. А вѣрныя томятся тѣломъ и душою вслѣдствіе надежды на наслѣдіе по воскресеніи, котораго по твоему мнѣнію не будетъ. Значитъ вѣра наша и надежда наша тщетны вопреки апостольскому и истинному слову, изре-

ченному Духомъ святымъ. И самъ ты, въ другомъ случаѣ признавая воскресеніе, какъ мнѣніе, вымышленное фантазією, а не какъ истину, поставленъ въ необходимость употреблять одно только названіе. О какомъ же воскресеніи души можно говорить, когда она не умираетъ и не предается погребенію? Изъ самаго названія (*ἀνάστασις*—востаніе) очевидно, что воскресеніе принадлежитъ тѣлу падшему и погребенному, и оно повсюду во всемъ писаніи проповѣдуется сынами истины. Если же тѣло не воскреснетъ, тогда во всѣхъ писаніяхъ не было бы проповѣдуемо воскресеніе; если нѣтъ воскресенія, тогда напрасно ожиданіе воскресенія мертвыхъ. Ибо воскресеніе свойственно не душамъ, которыя не умирали, но тѣламъ погребеннымъ. Но если и одна часть тѣла въ воскресеніе встанетъ, а другая будетъ оставлена: то какъ будетъ существовать эта часть? Ибо не могутъ быть въ тѣлѣ одни члены воскресшими; а другіе отложенными и покинутыми.

А что *есть тѣло душевное и есть тѣло духовное* (1 Кор. 15, 44), то это должно понимать не такъ, будто иное есть тѣло духовное и иное душевное, но что одно и то же есть тѣло и душевное и духовное. Ибо, когда мы находимся въ мірѣ и совершаемъ тлѣнныя дѣла плоти: то имѣемъ тѣла душевныя; потому что въ мірѣ мы раболѣпствуемъ беззаконнымъ дѣламъ, какъ и самъ ты отчасти говорилъ. А ког-

да востанемъ, уже не будетъ рабства души, но будетъ хожденіе духомъ, уже здѣсь имѣющее залогъ, по словамъ писанія: *аще живемъ духомъ, духомъ и да ходимъ* (Гал. 5, 25), *аще ли духомъ дѣянія плотская умерщвляется, живи будемъ* (Римл. 8, 13). Ибо ни браковъ, ни похотей, ни подвиговъ, для давшихъ обѣтъ воздержанія, ни грѣхопаденій, противныхъ чистотѣ, ни дѣйствій, здѣсь совершаемыхъ, тамъ не будетъ, но, какъ говорить Господь, *сподобившіися онаго воскресенія ни женятся, ни посвящаютъ, но суть яко Ангели* (Лук. 20, 35. Марк. 12, 25).

Гл. 64. Какъ преложенъ бысть и Енохъ не видѣти смерти, и не обрѣтаешся (Евр. 11, 5),— не такъ *преложенъ бысть*, чтобы оставилъ тѣло, или часть тѣла; ибо если онъ оставилъ тѣло, то видѣлъ смерть, а преложившись съ тѣломъ не видѣлъ смерти, потому что существуетъ въ живомъ тѣлѣ носимый вслѣдствіе преложенія духовно, а не душевно, хотя находясь въ тѣлѣ, но духовно. Тоже должно сказать и объ Иліи, который вознесся на огненной колесницѣ: и онъ находится еще во плоти, но плоти духовной, уже не имѣющей нужды въ томъ, въ чемъ всегда нуждалась, когда была въ этомъ мірѣ, какъ-то: питаться посредствомъ врановъ, пить изъ потока Хораеъ и одѣваться милотію: но она питается нѣкоторою другою пищею, духовною, которую подаетъ Богъ, въ-

дущій сокровенное и сотворившій невидимое,—
имѣющій нѣкую безсмертную и нетлѣнную пищу.

Итакъ видишь, что одно и тоже тѣло есть
душевное и духовное, такъ какъ и Господь
нашъ воскресъ изъ мертвыхъ, воставивъ не
иное тѣло, но тоже самое, которое имѣлъ, и не
другое, а тоже самое, премѣнивъ въ тонкость
духовную и соединивъ все духовное; почему и
виде двери затворенныя (Іоанн. 20, 26),
чего не можетъ быть здѣсь съ нашими тѣлами
по ихъ дебели, и потому что еще не сло-
жились въ тонкость духовную. Какое же было
это тѣло, которое прошло сквозь двери затво-
ренныя? Иное ли отъ распятаго, или то самое,
которое было распято? Ты, Оригенъ, конечно
не можешь не признать, что это было то са-
мое тѣло, которое было распято: ибо тебя
обличаетъ тщательнымъ изслѣдованіемъ *Θομῆς*
Сказавшій ему: *не буди невѣренъ, но вѣренъ*
(Іоанн. 20, 27); Онъ показалъ язву гвоздиную
и мѣсто копія и оставилъ самыя язвы на тѣлѣ,
хотя и соединилъ тѣло въ одно единеніе ду-
ховное. Онъ могъ уничтожить и язвы, но не
уничтожаетъ для того, чтобы обличить тебя,
богопротивный! Такимъ образомъ это было то
тѣло, которое три дня было погребеннымъ во
гробѣ, и съ Нимъ востало во время воскресе-
нія; ибо Онъ показалъ и кости и кожу, и плоть,
сказавъ: *видите, яко духъ плоти и кости не
имать, яко же Мене видите илуща* (Лук. 24,

39). Для чего же Онъ *вниде дверемъ затвореннымъ*? Для того, чтобы показать, что это есть тѣло видимое, и не духъ, а тѣло духовное. И хотя оно соединено съ душою и Божествомъ и всею человѣческою природою, но оно духовное; прежде дебелое, а теперь тонкое; распятое и побѣжденное, а теперь неодолимое, соединенное и срастворенное съ Божествомъ, и уже неразрушаемое, но всегда пребывающее и никогда неумирающее. Ибо *Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ, ктому уже не умираетъ, смерть имъ ктому не обладаетъ* (1 Кор. 15, 20. Римл. 6, 9).

Гл. 65. Но дабы ты узналъ и то, по какой причинѣ Христосъ называется *начаткомъ умершихъ*, хотя не Онъ первый воскресъ, но прежде Его, чрезъ Него воскресли: Лазарь и сынъ вдовицы и другіе, также воскресенные Иліею и Елиссеемъ: то поелику всѣ они, воскресши, опять умерли, поэтому Христосъ и есть *начатокъ умершихъ*; ибо, воскресши, уже не умираетъ, каково и наше воскресеніе, имѣющее быть вслѣдствіе Его жизни и человѣколюбія. Если же Онъ есть *начатокъ умершихъ*, то воскресло все Его тѣло въ соединеніи съ Божествомъ, то-есть воскресло все воспринятое въ воплощеніи и ничто изъ того не было оставлено, ни тѣло, ни другое что-либо. Ибо *не оставили души моя во адъ, ниже да си подобному твоему видѣти истлѣнія* (Пс. 15,

10). *О души* говорить, что она *не оставлена* была *во адъ*, а *преподобному* сказать для того, чтобы показать, что святое тѣло *не видѣло истлѣнія*, но тридневное воскресло нетлѣннымъ и въ нетлѣнїи пребываетъ во вѣкъ.

Ты же говоришь, любезнѣйшій, что кожаняя одежды суть сіи тѣла, тогда какъ связь рѣчи нигдѣ сего не содержитъ; но эти въ тебѣ сѣмяна первоначально брошены баснословнымъ языческимъ ученїемъ Еллиновъ, и отселѣ разрослись въ тебѣ злонравнымъ помысломъ невѣрія въ воскресенїе, когда то-есть Еллины привели тебя къ этому и научили. Ибо *душевенъ человекъ*, говоритъ Апостоль, *не прїемлетъ яже Духа Божїя: юродство бо ему есть, зане духовно востязуется* (1 Кор. 2, 14). Еслибы прежде преступленїя Адаму и Евѣ даны были одежды: то ложь твоя была бы убѣдительна и могла бы обмануть; а такъ какъ извѣстно, что это было послѣ созданїя Евы, то откуда же образовалась Ева, какъ не изъ тѣла? Очевидно такъ; ибо сказано: *наложи изступленїе на Адама, и успе: и взя едино отъ ребръ его; ребро же не иное что есть, какъ кость: и исполни плотїю мѣсто его* (Быт. 2, 21). И такъ, когда называется плотїю, то какаго еще ожидать ея сотворенїя? И выше говоритъ: *сотворимъ человека по образу нашему и по подобїю* (Быт. 1, 26) *и возьмъ*, говоритъ, *персть отъ земли и созда человека* (Быт. 2, 7). Персть и плоть не другое что означаютъ,

какъ тѣло. Потомъ далѣе: и, оставъ Адамъ отъ сна, рече: *се вышъ кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моя* (ст. 23). Кожаныхъ одеждъ и твоей ложной аллегоріи еще не было. Итакъ изъ словъ: *кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моя*, очевидно, что это были тѣла и что Адамъ и Ева не были безтѣлесны. *И въземъ* отъ древа *и яде* (Быт. 3, 6), когда прельщенъ былъ зміемъ и впалъ въ преслушаніе. *И услышалъ гласъ Бога ходяща въ рай по полудни и скрыстася Адамъ и Ева посреди древа. И рече* Богъ Адаму: *идь еси?* Онъ же, обличаемый, отвѣчаетъ: *гласъ твой слышахъ и скрыхся, яко нагъ есмь.* Что же онъ назвалъ нагимъ: душу или тѣло? А листья смоковницы что покрыли: душу или тѣло? *И рече: кто възвѣсти тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы отъ древа, ео же заповѣдахъ тебѣ сего единого не ясти, отъ него ялъ еси. И рече: жена, юже далъ еси мнѣ, та ми даде и ядохъ* (Быт. 3, 8—12). Откуда же взята жена, какъ не отъ ребра, то-есть отъ плоти, прежде нежели даны были имъ одежды? *И женъ рече: что сіе сотворила еси? И рече жена: змій прельсти мя и ядохъ* и дала мужу своему. Тогда на змія налагаетъ Богъ проклятіе; на жену болѣзни чадорожденія, а на мужа—ѣсть хлѣбъ въ потѣ. *И послѣ сего говоритъ: се Адамъ бысть, яко единъ отъ Насъ. Да некогда простретъ руку свою и възметъ отъ древа жизни, и сплестъ и живѣтъ во вѣкъ.*

(ст. 22). *) Не подумай, слушатель, будто Господь сказалъ утвердительно: *се Адамъ бысть яко единъ отъ Насъ*. Ибо изболчательно укоря желаніе Адама, повѣрившаго оболъщенію змія, говорить, что онъ не сдѣлался тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ сдѣлаться, то-есть *се Адамъ бысть яко единъ отъ насъ*. Возжелавъ содѣлаться высшимъ, Адамъ ниспалъ въ низшее. А слова: изгонимъ его, *да не когда простретъ руку къ древу жизни, и съестъ и живъ будетъ во вѣкъ*, говорить Богъ не по зависти, а потому, что позаботился о сосудѣ, отъ себя повредившемся, дабы не остался худшимъ навсегда, но какъ отличный скудельникъ, повредившійся самъ собою сосудъ обративъ его въ собственный составъ, то-есть въ землю, во время воскресенія возсозидаетъ, такъ что въ немъ не будетъ никакого поврежденія, и праведный во славу будетъ безсмертенъ и можетъ получить царствіе, а неправедный во время конечнаго воскресенія можетъ понести наказаніе суда. Ибо не худое что насадилъ Богъ, да не будетъ! но и самое древо насадилъ для нуждающагося въ надлежащее время, своимъ повелѣніемъ дозволяя ему пользоваться имъ. Но скажешь напротивъ: какъ же исполнятся слова: *въ оныже аще день съесте*

*) Этого отдѣленія, начиная съ словъ: «не подумай слушатель» и кончая словами въ концѣ главы: *изрине иль изъ рая*, нѣтъ въ изданіяхъ Иставія и Элсра. Оно переведено по изданію Диндорфа.

отъ него, смертію умрете, если позволилъ вкушать отъ него? Конечно, въ какое бы время онъ вкусилъ, тотчасъ бы и исполнилъ слово: *смертію умрете*. Говорящему это скажу опять: Богъ, вѣдущій будущее *прежде неже быти* Иса 46, 10), зная, что человѣкъ, будучи обольщенъ, прежде Его повелѣнія вкусилъ бы отъ древа, опредѣлилъ ему смерть за преступленіе, которое имѣлъ онъ совершить. Заблуждающіеся въ сей ереси хулятъ Бога, говоря: хорошъ Богъ закона, что позавидовалъ Адаму и изгналъ его говоря: *изгонимъ его, да не когда простретъ руку и возметъ отъ древа жизни и живѣтъ будетъ во вѣкъ*. Но ихъ клеветующее безуміе обличаетъ само себя. Ибо не только съ самаго начала не запрещалъ Богъ вкушать отъ древа жизни, но и побуждалъ, сказавъ: *отъ всякаго древа, еже въ раи, съядію съесте* (Быт. 2, 10), а предъ глазами Адама было и древо жизни, одно изъ деревъ райскихъ. Отъ одного только древа *еже разумѣти доброе и лукавое* Богъ не повелѣлъ вкушать. Но ненасытная мысль Адама и жены его Евы, обольщенной діаволомъ, по неопытности поступила вопреки заповѣди. Итакъ поелику Адамъ самъ отъ себя впалъ въ униженіе, то Богъ не восхотѣлъ, чтобы онъ жилъ во вѣкъ въ униженіи, но подобно отличному скудельнику благоволилъ сосудъ, разбившійся самъ собою, обратить въ его собственный составъ, дабы въ пакибытіе изъ его собственнаго состава

ва опять передѣлать какъ бы на колесѣхъ, исправивъ и возобновивъ сосудъ безъ всякаго недостатка, такъ чтобы онъ могъ жить вѣчно. Поэтому сперва угрожаетъ ему смертію, и потомъ уже не говоритъ о смерти, но: *земля еси* и въ нее *пойдеши*, не предавши челоуѣка смерти. И затѣмъ говорится: и *сотвори Богъ ризы кожаны и облече Адама и Еву и изрине ихъ изъ рая*. Видишь ли, Оригенъ, какъ суетно нововводимое тобою пустословіе. Ибо за сколько времени были тѣла у Адама и Евы?

Гл. 66. Если это тебя тревожитъ, и ты не можешь, душевно разсуждая, принять благодати Духа, невѣрный и худшій невѣрныхъ: то скажи мнѣ, сколько чудодѣйственнаго и изумительнаго заключаетъ каждый предметъ, сотворенный Богомъ? Какъ изъ ничего простерто небо, поднятое на высотѣхъ? Какъ возсіяло солнце, и создана луна и звѣзды? Изъ какого первообразнаго вещества взята земля, созданная изъ ничего. Изъ какихъ породъ изсѣчены горы? Откуда составъ всего міра, произведенный Богомъ изъ ничего? Откуда составъ облаковъ, который вдругъ закрываетъ небо? Откуда по повелѣнію Бога рабомъ Его Моисеемъ произведены комары и скнипы? Какъ онъ превратилъ деревянный жезлъ въ змія живаго и ползущаго? Какъ рука Моисея измѣнилась въ видъ снѣга? Такъ и тогда, о невѣрный! Богу было угодно, и Онъ дѣйствительно безъ животныхъ,

безъ всякаго человѣческаго искусства и много-различной работы, устроилъ Адаму и Евѣ одежды кожаныя. тотчасъ же какъ восхотѣлъ: такъ же какъ и въ началѣ только что восхотѣлъ, и явилось и небо и все. Но объ этомъ я часто говорилъ и въ другихъ мѣстахъ и выше. Для тѣхъ, которые желаютъ жизни, спасеніе близко и зловѣріе удобоопровержимо: а для тѣхъ, которые не хотятъ принять спасительнаго ученія, недостаточно и цѣлаго вѣка на бесѣду съ человѣкомъ, подобно *астиду*, всегда глухимъ и затыкающимъ уши, чтобы не внять голосу обаятеля, заклинателя, искуснаго въ заклинаніяхъ, какъ говоритъ слово Божіе (Пс. 57, 5—6). Думаю, что сынамъ истины эта рѣчь моя не мало полезна; хотя она оказывается здѣсь очень странною.

Гл. 67. Но я перейду къ разсужденію моему о воскресеніи, при изъясненіи перваго псалма. Ибо, когда ты, пустой труженикъ, будешь обольщать невѣдущихъ, подставляя свое мнѣніе, и скажешь: „нѣкоторые изъ простѣйшихъ думаютъ, что нечестивые не улучатъ воскресенія,“ а въ послѣдствіи даешь видъ, что тѣхъ же самыхъ простѣйшихъ людей опять ты спрашиваешь: для какого тѣла будетъ воскресеніе? и какъ бы взаимно отъ лица называемыхъ у тебя простѣйшими недоумѣваешь самъ въ себѣ (ибо и это нужно изъяснить), называть ли добрыми тѣхъ, которые именуются у тебя простѣйши-

ми, — рѣчь будетъ уже не твоя, и благодарить нужно не рѣчь твою, а истину, которая заставляетъ тебя говорить о признакахъ достоинства и доброты рабовъ Божіихъ. Ибо и языческая пословица говорить: „слово истины просто.“ Простыми обыкновенно называемъ мы людей незлобивыхъ, которымъ у Спасителя во многихъ мѣстахъ воздается похвала, напримѣръ *будите чьми* (просты), *яко голубіе* (Матѳ. 10, 16.), и еще: *оставите дѣтей пріити ко Мнѣ, таковыхъ бо, то-есть простѣйшихъ есть царство небесное* (19, 14.). Эти простѣйшіе, какъ ты ихъ называешь, отвѣчали тебѣ, что воскресеніе принадлежитъ этому тѣлу, которымъ мы облечены. Когда ты высказываешь недоумѣніе и опять спрашиваешь: все ли тѣло или только часть воскреснетъ; они отвѣчаютъ: все тѣло. Между тѣмъ сообразно съ изворотливостію широкофшательнаго пустословія ты говоришь, что не можетъ этого быть по той причинѣ, что изъ тѣла вытекаетъ кровь, теряется ежедневно плоть, волосы и другія вещества вмѣстѣ съ слюнами, мокротами и другіями изверженіями,— вотъ какъ ты отводишь глаза своимъ обширнымъ, зловѣрнымъ медицинскимъ знаніемъ, какъ уже многими доказательствами изобличилъ твое баснотворство нашъ прекраснѣйшій старецъ и блаженный мужъ Меѳодій. Но кое-что услышишь ты и отъ меня убогаго. Чего всегда ищутъ? Ищутъ, чтобы все было самое чистое; а излиш-

нее откидывается отъ чистаго, и его не спрашиваютъ. Кусокъ матеріи готовъ, какъ скоро вышло тканье изъ станка, и его отрѣзываютъ отъ станка, не прибавляя къ нему, ни убавляя. Его отдаютъ къ бѣлильнику не съ тѣмъ, чтобы получить отъ бѣлильника въ худшемъ видѣ, но бѣлильникъ представляетъ его въ совершеннѣйшемъ видѣ, такъ что для всѣхъ становится очевидно совершенство ткани. Такъ и тѣло не становится худшимъ отъ изверженія дурныхъ веществъ и нечистоты, и конечно художникъ за то, что тѣло извергло нечистоту, не потребуетъ отъ насъ тѣла вмѣстѣ съ нечистотою, но потребуетъ эту одежду въ цѣломъ, здоровомъ и чистѣйшемъ видѣ. Вотъ еще другой примѣръ. Ты внесь вопросъ о томъ, что выдѣляется изъ человѣка посредствомъ кровопусканія, недуговъ, испраженій и изверженія слюней и соплей; но ты будешь опровергнуть тѣмъ самымъ, что ты сказалъ. Ибо не это одно находится въ тѣлѣ, но также и насѣкомыя выраждаются изъ насъ, какъ на примѣръ: вши и гниды, которыя ни внѣ тѣла не находятся, ни причитаются къ тѣлу. И никто никогда не отыскивалъ выдѣлившейся изъ тѣла гниды, ни вши, выродившейся изъ самой плоти, для ея сохраненія, но скорѣе для истребленія, и никто истребленія ея не считаетъ за утрату. Равнымъ образомъ и то, что вышло изъ насъ, хотя это и такъ по твоему мнѣнію, не взыщется отъ насъ (это было бы безраз-

судно), и Богъ не возвратитъ этого въ составъ нашъ, но какъ пятно, находящееся на одеждѣ и смытое съ нея для благоукрашенія, оставитъ безъ вниманія, а самую одежду Зиждитель, по превосходству своего искусства, возведетъ къ совершенству, такъ что она не будетъ имѣть ни недостатка, ни излишества; ибо для Него все возможно. Если бы это было не такъ, о ты, повредившійся въ умѣ отъ многословнаго твоего измышленія!—то Спаситель нашъ и Господь, Сынъ Божій, пришедшій для того, чтобы утвердить въ насъ надежду, что мы будемъ живы, и весьма многое изобразившій въ себѣ самомъ въ подтвержденіе истины сказаннаго Имъ намъ, могъ бы часть своего тѣла отложить, а часть воскресить, согласно съ твоимъ, о мужъ спорливый, баснословнымъ построеніемъ и собраніемъ множества пустыхъ соображеній. Но Онъ избличая твой образъ мыслей, прямо говоритъ: *аще зерно пшенично падѣ на земли не умретъ, едино пребываетъ: аще же падетъ и умретъ, много зеренъ сотворитъ* (Іоанн. 12, 24). О какомъ это зернѣ Онъ говоритъ? Всякому ясно и во всемъ мірѣ признано, что Онъ говорилъ это о себѣ, то-есть, о тѣлѣ святой плоти, которую принялъ отъ Маріи, и о всей своей человѣческой природѣ. Словами: упасть и умереть, также какъ словами: *идѣже трутъ, тамо соберутся орли* (Мат. 24, 28), Онъ указалъ на тридневное усненіе своего тѣла, какъ и самъ

ты признаешь. Ибо Божество Его неусыпаемо, неспособно къ паденію, неодолимо, неизмѣняемо. Итакъ умерло пшеничное зерно и воскресло. Но все ли это зерно воскресло, или часть его воскресла? Иное ли зерно, отличное отъ бывшаго, или тоже самое, которое было, воскресло, то-есть тѣло, которое Іосифомъ обвито было плащаницею и положено въ новомъ гробѣ? Конечно ты этого не отвергнешь. Ибо о комъ Ангелы благовѣствовали женамъ, что Онъ воскресъ? О комъ говорятъ: кого ищите? *Иисуса Назарянина? воста, нѣсть здѣ: прїидише видите мѣсто* (Марк. 16, 6. Мат. 28, 5.). Какъ бы такъ сказалъ: *прїидите, видите мѣсто* и вразумите Оригена, что здѣсь ничего не осталось лежащимъ, но все воскресло. И чтобы ты зналъ, что все воскресло, сказалъ: *воста, нѣсть здѣ*, дабы ниспровергнуть твое пустословіе тѣмъ именно, что не осталось (во гробѣ) части тѣла Его, но что это есть то самое тѣло, которое было пригвождено, прободено копіемъ, взято Фарисеями и подверглось оплеванію.

Гл. 68. Но для чего мнѣ много говорить въ обличеніе пустословія этого жалкаго и напыщеннаго человѣка? Какъ Господь воскресъ и воскресилъ Свое тѣло: такъ и насъ воскресить. Ибо на этомъ Святой Апостоль утверждаетъ нашу надежду, сказавъ: *како слаголютъ нѣцыи въ васъ, яко воскресенія мертвыхъ нѣсть? Аще воскресенія мертвыхъ нѣсть, то ни Христосъ*

воста. Аще же Христосъ не воста, тѣе убо проповѣданіе наше, суетна и вѣра наша. Обрѣтаемъ же и лжесвидѣтеле Божіи, что сказали, яко воскреси Христа, Ею же не воскреси и проч. (1 Кор. 15, 12—15); и наконецъ присо-вокупляетъ, говоря: *подобаетъ тльнному сему облещися въ нетльнїе и мертвенному сему облещися въ безсмертіе* (ст. 53). Не сказали: только смертному или только тльнному, или безсмертной душѣ: но *тльнному сему*—съ прибавленіемъ *сему*, также *мертвенному сему*—съ прибавленіемъ *сему*. Итакъ все это зерно Его воскресло, и воскресло не иное зерно, отличное отъ прежняго, но то самое, которое лежало во гробѣ, все воскресло. На чемъ же утверждается твое пустословіе? Божественное писаніе говоритъ дважды о зернахъ: одинъ разъ въ Евангеліи, другой—у Апостола. Первое, на основаніи дѣйствительно совершившагося съ Господомъ, со всею ясностію показываетъ, каковъ первообразъ воскресенія: ибо Спаситель, такъ уча и творя, рѣшительно все сдѣлалъ для нашего утвержденія. Такъ Онъ говорилъ о зернѣ и воскресилъ зерно, дабы утвердить въ насъ вѣрную надежду на дѣйствительность нашего воскресенія. Послѣдую Ему Апостоль, водимый Духомъ Святымъ, повѣствуя намъ о имѣющей быть послѣ воскресенія славѣ святыхъ и наслажденіи благами, въ проповѣди противъ невѣрующихъ, опять указываетъ на пшеничное

зерно: но речешь мнѣ: *како воскреснутъ мертвии? Коимъ же тѣломъ придутъ* (1 Кор. 15.—35)? и отвѣчаетъ говорящему это: *безумне! Ибо совершенно глупъ и безуменъ тотъ, кто сомнѣвается въ воскресеніи. Потомъ говорить: безумне, ты ежже съеши не оживетъ, аще не умретъ: и ежже съеши, не тѣло будущее съеши, но голо зерно, аще случится, пшеницы или другихъ сѣмянъ. Богъ же даетъ ему тѣло, яко же восхоцетъ, и комуждо съмени свое тѣло* (1 Кор. 15, 36—38). И видишь, что не измѣняется тѣло. Ибо никто, посѣявши ячмень, не ищетъ пшеницы; также кто посѣялъ тминъ, не найдетъ ячменя; но что посѣяно, то самое и взойдетъ. Если изъ того нѣчто и останется въ землѣ, но за то изъ него поднимется произрастеніе. Такъ и изъ этой истлѣвающей пшеницы, не приходящей на судъ, оставшаяся часть бесполезна, а произрасшее изъ нея прекрасно. Это восхотѣль Онъ ясно доказать по причинѣ невѣрія тѣхъ, которые не имѣютъ надежды на Бога. Дѣйстви-тельно пшеничное зерно — самая малая вещь: откуда же изъ этого малѣйшаго зерна являют-ся и корни, и основанія, и стебли, и колѣнца, и столько трубочекъ, и верхушка, и луска, и колосья и многочисленныя зерна?

Гл. 69. Но дабы сказать еще яснѣе, мы представимъ подобные ему примѣры. Откуда у Моисея, сына Іохаветы и Амрама, такая сила, что онъ, ударивъ жезломъ въ камень, извелъ воду

изъ вещества, къ тому неспособнаго, а сухое превратилъ во влажное (Числ. 20, 11)? Какимъ образомъ онъ поразилъ море и повелѣніемъ раздѣлилъ оное на двѣнадцать путей для шествія по морю (Исх. 14, 21)? Какъ преложилъ рѣку въ кровь (Исх. 7, 20)? Вдругъ собралъ столько жабъ? Наслалъ скнипъ на Египтянъ (8, 6. 17)? Соединилъ градъ съ огнемъ (9, 23)? Къ темной и безлунной ночи для Египтянъ присоединилъ густой мракъ (10, 22)? Смертію поразилъ первенцевъ египетскихъ (12, 29)? Огненнымъ столпомъ указывалъ путь народу, имъ пасомому (13, 21)? Молитвою и прошеніемъ низвелъ хлѣбъ Ангельскій (16, 15. Псал. 77, 25.)? Послалъ крастелей и напиталъ ими столько тысячъ мужей, по повелѣнію Божію (Исх. 16, 13. Псал. 77, 27.)? Слышалъ гласъ Божій? Сподобился среди такого множества людей слышать гласъ Божій и бесѣдовать съ Богомъ? Въ продолженіе сорока дней и сорока ночей не почувствовалъ нужды въ потребномъ для нашей природы (Исх. 34, 28)? Какъ плоть его измѣнилась въ блескъ солида и свѣтлый лучъ, поразительный для народа, такъ что сыны Израильскіе не могли взирать на лице Моисея (ст. 30. 2 Кор. 3, 7)? Какъ плоть на рукѣ его премѣнилась въ снѣгъ (Исх. 4, 6)? Какъ Онъ повелѣлъ землѣ отворить уста для поглощенія бывшихъ съ Кореемъ, Даааномъ, Авиромъ и Авнаномъ (Числ. 16, 24. 32)? Какъ наконецъ онъ услышалъ: *вы-*

ди на гору, и скончайся тамо (Втор. 32, 49. 50.), такъ что *невѣдаетъ* человѣкъ *погребенія ея* (Втор. 34, 6)? Божественное писаніе симъ обозначаетъ то, что тѣло Моисеево не людьми было погребено, но, какъ можно разсуждать предположительно, Святыми Ангелами. И все это было тогда, когда онъ находился еще въ этомъ мірѣ, еще въ этомъ душевномъ тѣлѣ, содѣлавшемся вмѣстѣ и совершенно духовнымъ. Въ этомъ мы получили залогъ въ доказательство совершеннаго прозябенія, имѣющаго быть, тогда, когда исполнится сказанное: *сѣется не въ честь, востаетъ въ славу; сѣется въ немощи, востаетъ въ силу* (1 Кор. 15, 43). Подлинно не немощно ли то, что сѣется и не знаетъ, гдѣ сѣется? Не безчестно ли полагаемое во гробѣ, засыпаемое землею, истребляемое, распадающееся и безчувственное? Не славно ли воскресающее, во вѣкъ пребывающее и, по надеждѣ на человѣколюбіе Божіе, пріобрѣтающее на небеси царствіе, гдѣ *праведницы просвѣтятся, яко солнце* (Мат. 13, 43), гдѣ будутъ равны Ангеламъ (Лук. 20, 36.), гдѣ будутъ ликовать съ женихомъ, гдѣ съ Петромъ Апостола *возсядутъ на двюнадесяте престолу, судяще объманадешате колынома Израилевама* (Мат. 19, 28), гдѣ праведники получаютъ, *иже око не видѣ и ухо не слыша и на сердце чловѣку не въздоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9.)? Итакъ наше воскресеніе въ Богѣ;

и всякій человекъ воскреснетъ, и праведный и неправедный, и невѣрный и вѣрный — одни въ жизнь вѣчную, другіе на осужденіе вѣчное.

Гл. 70. Умолкни же Вавилонъ, древнее и опять возобновленное среди насъ *смышеніе!* Утихни, Содомъ и вопль крайняго твоего нечестія, восходящій къ Богу! Ибо *приидетъ* отъ *Сіона избавляяй, и отвратитъ нечестіе отъ Іакова* (Исх. 59, 20): и *вострубитъ, и мертвіи встанутъ* (1 Кор. 15, 52): и *мы восхищени будемъ въ срѣтеніе Ему на воздухъ* (1 Сол. 4, 17). Къ тому, что сказалъ прекраснѣйшій старецъ, блаженный Меодій,—и мы сами нѣчто прибавили для назиданія; чрезъ такое соединеніе можно видѣть смыслъ каждаго изреченія. Святой Апостоль, раздѣляя два рода людей, соединяетъ ихъ въ одномъ упованіи; словами: *мы восхищени будемъ на облацяхъ въ срѣтеніе Ему* указываетъ, что тѣло по истинѣ есть то самое, а не иное; поелику восхищенный отнюдь не умиралъ; а словами: *неималы предварити* воскресенія мертвыхъ доказываетъ, что *невозможное у человекъ* легко и *возможно у Бога* (Лук. 18, 27.); ибо мы *живущіи неималы предварити умершихъ*, и ихъ воскресенія. Указалъ на живущихъ и восхищенныхъ, дабы словомъ: *живущіи*, показать, что тѣла умершихъ воскреснутъ всецѣлыми: а сказавши, что умершіе предварятъ оставшихся въ живыхъ, показалъ могущество Божіе.

Воскреснутъ мертвіи и востанутъ иже во гробѣхъ, говоритъ пророкъ (Иса. 26, 19.). Что бы не умолчать и о словахъ пророка Іезекііля, сказанныхъ о воскресеніи въ его апокрифѣ, я предложу здѣсь и ихъ. Иносказательно повѣствуя о праведномъ судѣ, въ которомъ съ душою будетъ участвовать и тѣло, онъ говоритъ, что у одного царя всѣ его подданные состояли въ ополченіи, а незаписанныхъ въ ополченіе было только двое, одинъ хромой и одинъ слѣпой, и каждый изъ нихъ былъ помѣщенъ и жилъ особо. Царь, совершая бракъ своего сына, пригласилъ всѣхъ въ своемъ царствѣ, а оставилъ безъ вниманія двухъ увѣчныхъ, хромого и слѣпаго. Они вознегодовали въ себѣ и умыслили сдѣлать зло царю. У царя былъ садъ, и слѣпой издали сталъ говорить хрому: сколько бы у насъ было кусковъ хлѣба отъ народа, бросившагося на веселіе? Такъ давай же, отометимъ ему за то, что съ нами такъ поступилъ. Другой спросилъ: какимъ же образомъ? Тотъ сказалъ: пойдемъ въ его садъ и истребимъ, что есть тамъ въ саду. Но этотъ сказалъ: а какъ я могу это сдѣлать, когда я хромъ и не могу ходить? Слѣпой отвѣчалъ: а я самъ развѣ могу что-нибудь сдѣлать, когда не вижу, куда идти? Но мы ухитримся. Нащипавъ вблизи травы и свивши веревку, онъ бросилъ ее слѣпому и сказалъ: держи и ступай по веревкѣ ко мнѣ. Когда тотъ сдѣлалъ, что ему приказано, и подо-

шелъ къ нему, хромоѣ говоритъ: ну, будь ты для меня ногами и неси меня, а я буду для тебя глазами, сверху указывая тебѣ дорогу направо и налево. Сдѣлавъ это, они сошли въ садъ. Надѣлали ли они тамъ бѣды, или не надѣлали,—только слѣды ихъ оказались въ саду. Когда развеселившіеся гости пошли съ брачнаго пира отдохнуть въ садъ, они изумились, нашедши въ саду слѣды и возвѣстили объ этомъ царю, говоря: „въ царствѣ твоёмъ всѣ воины, и нѣтъ ни одного невоеннаго. Откуда же слѣды невоенныхъ въ саду?“ Царь удивился. И такъ какъ это говоритъ притча, очевидно апокрифическая, то она говоритъ приспособительно къ человѣку, а Богу нѣтъ ничего неизвѣстнаго. Повѣсть говоритъ далѣе, что царь послалъ за хромымъ и слѣпымъ и спросилъ слѣпаго: не ты ли ходилъ въ садъ? Тотъ отвѣчалъ: увы мнѣ, государь! Ты видишь нашу неспособность, знаешь, что я не вижу, гдѣ идти. Потомъ подошедъ къ хромому, и его спрашивалъ: ходилъ ты въ мой садъ? Этотъ сказалъ въ отвѣтъ: государь! Ты хочешь огорчить мою душу ради моей неспособности. И судъ не приводитъ ни къ чему. Что же дѣлаетъ праведный судія? Разузнавъ, какимъ образомъ оба они сговорились, сажаетъ хромаго на слѣпаго и обоихъ истязуетъ бичами, и не могутъ они запереться. Каждый изъ нихъ изобличаетъ другаго; хромоѣ говоритъ слѣпому: не ты ли меня принесъ на се-

бѣ и вынесъ? А слѣпой говорить хромому: не самъ ли ты былъ моими глазами? Такъ тѣло въ воскресеніе мертвыхъ соединяется съ душою и душа съ тѣломъ въ изобличеніе общей ихъ дѣятельности, и совершенный судъ бываетъ за дѣла, сдѣланныя обоими, и тѣломъ и душою, будутъ ли онѣ добрыя или худыя. *)

Итакъ пекущіеся о своей жизни смотрите, что всѣ возставшія противъ истины, сами себѣ причинили неправду, какъ и святой пророкъ Давидъ говоритъ: *зачатъ болъзнь, и роди беззаконіе. Ибо всякій, собирающій себѣ болъзнь чуждыхъ помышлений, пораждаетъ неправду себѣ и довѣряющимъ ему: Ровѣ изры, и ископа, и падетъ въ яму, юже содѣла* (Пс. 7, 15 — 16.). Если же кто станетъ всему этому противорѣчить, тотъ пусть выступитъ и дерзнетъ противодѣй-

*) Пѣлаго этого отдѣленія отъ словъ: *воскреснутъ мертвіи* нѣтъ въ изданіи Петавія. Оно переводится по изданію Диндорфа. Приточное сказаніе о слѣпцѣ и хромецѣ встрѣчается въ нашей древней литературѣ, въ твореніяхъ Кирилла, Епископа Туровскаго, именно въ „притчѣ о чело-вѣчестѣй души и о тѣлеси, и о преступленіи Божіихъ заповѣдей, и о воскресеніи тѣлесъ чело-вѣчъ, и о будущемъ судѣ и о муцѣ.“ Содержаніе то же, но болѣе развито и вмѣсто царя представляется дѣйствующимъ „чело-вѣкъ домовитъ“, который называется „господиномъ“ и который насадилъ виноградъ. О бракѣ сына царскаго ни слова; но говорится, что домовитый чело-вѣкъ, отѣзжая изъ своего дома, приставилъ ко вратамъ сада слѣпца и хронца, будучи увѣренъ, что и сами они не могутъ войти въ садъ красть виноградъ и другимъ не позволятъ войти туда. Увѣжая, господинъ оставилъ имъ нескудную пищу и одѣяніе. Когда они съѣли у воротъ сада, слѣпой спросилъ хромого: что это за благоуханіе несетъ на меня отъ воротъ? Послѣ этого они стовариваются войти въ садъ, и разсказъ идетъ въ томъ же видѣ, какъ у св. Епифанія. Новыя изслѣдователи о твореніяхъ Кирилла Туровскаго (Рукописи Гр. Уварова том. 2. Сиб. 1858) говорятъ, что эта притча взята Кирилломъ изъ пролога, а откуда она попадетъ въ прологъ, не объясняютъ. Мы видимъ, что она извѣстна была еще въ 4-мъ христіанскомъ вѣкѣ, и св. Епифаній беретъ ее изъ апокрифа пророка Іезекіиля. Есть свидѣтельство, что она въ давнія времена извѣстна была между Іудеями. См. Livres Sacrées d'Orient. p. 498.

ствовать Богу. Ибо *Богъ крѣпкій не утрудится, ниже взлметъ, ниже есть изобрѣтеніе премудрости его* (Иса. 40, 28), по которой Онъ разрушившіяся тѣла воскрешаетъ, погибающее спасаетъ, мертвое оживляетъ, тлѣнное облекаетъ въ нетлѣніе, падшее зерно ведетъ къ воскресенію, посѣянное и умершее возстановляетъ и приводитъ въ преизбыточествующую свѣтлость, какъ выражено во многихъ писаніяхъ, гдѣ иносказательно говорится о нашемъ воскресеніи.

Гл. 71. Такъ пророкъ Давидъ въ псалмѣ объ обновленіи дому Давидова (Псал. 29.), какъ бы ожидая и Духомъ Святымъ предвидя будущее, благословно сказалъ о воскресеніи: *вознесу Тя, Господи, яко подъялъ мя еси*, обновляя домъ мой, то-есть, падшее тѣло, *и не возвеселилъ еси враговъ моихъ о мнѣ*. Равнымъ образомъ и Соломонъ въ Притчахъ, подготавливая все къ готовимой въ Сіонѣ надеждѣ, увѣщавалъ говоря: *уготовляй на исходъ дѣла твоя* (Притч. 24, 27.), называя исходомъ изшествіе отсюда, *и уготовися*, говоритъ, *на село*. Это внушеніе простираетъ Онъ ко всѣмъ, какъ живущимъ въ селѣ, такъ и въ городѣ, и къ ученымъ и къ занимающимся ремеслами, у которыхъ нѣтъ никакой работы въ полѣ: ибо ткачамъ, серебряныхъ дѣлъ мастерамъ, поэтамъ и историкамъ для чего приготовленіе къ обработыванію поля? Но голось сей вообще всѣхъ безъ различія призываетъ, — говоря: *уготовися на село*. Этимъ на-

мекается на то, что для всякаго человѣка, и городского, и сельскаго, отложеніе тѣла есть поле, есть конецъ, по причинѣ погребенія. Потомъ, обозначая самую надежду на воскресеніе, говорятъ: *и созиждеша домъ твой*; не сказали: *созиждеша домъ*. Ибо однажды создается человѣкъ, при образованіи во чревѣ, когда когдаго изъ насъ во время образованія носила своя мать во утробѣ; а воскресеніе изъ земли, или поля, есть уже несозданіе, а воссозданіе, вслѣдствіе постигшаго тѣло разрушенія по положеніи во гробъ, какъ и Спаситель сказали: *разорите церкви сію, и трети дни воздвигну ю, или созижду ея* (Іоан. 2, 19.). Будучи самъ премудрость, и обладая такою мудростію, которой *нѣсть изобрѣтеніе* (Иса. 40, 28) отъ людей, Онъ изводитъ тѣла наши изъ мѣстъ недоступныхъ, когда однѣ изъ нихъ разрѣшились въ прахъ, другія находятся въ морѣ, а иныя истреблены отъ плотоядныхъ птицъ, иныя отъ звѣрей, иныя отъ червей.

Гл. 72. Ибо если Онъ изъ несущаго привелъ въ бытіе: то кольми паче существующее легко возстановитъ въ собственное его состояніе, и это для того, чтобъ опредѣлить праведный судъ, дабы не осуждать одного вмѣсто другаго, дабы не лишить награды изможденное тѣло. Ибо если одной душѣ принадлежитъ наслажденіе и наслѣдіе царства небеснаго: то пускай тѣло наслаждается, чѣмъ хочетъ. Пусть упоминае-

мы съ Гедеономъ предаются роскоши и не будутъ *озлоблены въ милотехъ и козѣихъ кожахъ* (Евр. 11, 37.); пусть Іоаннъ не изнуряетъ себя напрасно, нося одежду изъ верблюжьяго волоса; и мы не будемъ умерщвлять плоть свою въ уединеніи и стѣснять тѣла свои цѣломудріемъ. Если же тѣло вмѣстѣ съ душею участвуетъ въ подвигахъ жизни, въ цѣломудріи, въ постѣ и въ другихъ добродѣтеляхъ: то *не обидливъ Богъ* (Евр. 6, 10), чтобы лишить награды потрудившагося и не воздать мзды тѣлу, потрудившемуся вмѣстѣ съ душею. Иначе и судъ окажется неполнымъ. Ибо если душа окажется совершенно одна, то, будучи судима, она можетъ возразить, что не во мнѣ вина грѣха, но отъ того тлѣннаго и земнаго тѣла происходили блудъ, прелюбодѣяніе, развратъ; ибо съ тѣхъ поръ, какъ тѣло отдѣлилось отъ меня, я ничего такого не сдѣлала; и будетъ она права въ защитѣ и не признаетъ суда Божія. А если бы и тѣло одно Богъ привелъ на судъ (Онъ можетъ это сдѣлать, какъ и выше указано мною на основаніи словъ Іезекіиля. Хотя дѣло представлено тамъ въ притчѣ, но образъ ведетъ для аллегорическаго изображенія истины, выраженной тамъ приточно, именно какъ кость соединилась съ костію, и составъ съ составомъ, тогда какъ кости были сухія и не было въ нихъ ни души, ни движущаго духа; не смотря на то, тѣла, по слову пророка, тотчасъ соста-

вились и окрѣпли. Такъ, если Богъ захочетъ, Онъ силенъ сдѣлать то, что тѣло безъ души будетъ жить и двигаться, какъ и кровь Авеля, будучи тѣломъ, вопіяла по смерти его, а не душа, ибо кровь не есть душа, но видимое тѣло), то тѣло безъ души не можетъ быть судимо: ибо и оно также можетъ возразить, что не я грѣшило, а душа. Съ тѣхъ поръ, какъ она отрѣшилась отъ меня, вѣдь я не совершало прелюбодѣянiя, блуда и идолослуженiя? Итакъ, и тѣло будетъ возражать противъ праведнаго суда Божiя—и возражать основательно. По этой-то и по многимъ другимъ важнѣйшимъ причинамъ, Богъ по своей премудрости, умершiя тѣла наши приведетъ вмѣстѣ съ душами въ пакибытiе, согласно съ своимъ человѣколюбивымъ обѣщанiемъ, дабы потрудившiйся въ святости получилъ отъ Бога всякое доброе воздаянiе, равно какъ и творившiе суетныя дѣла были осуждены, то-есть тѣло вмѣстѣ съ душою, а душа вмѣстѣ съ тѣломъ.

*) Для большаго удостовѣренiя въ нашей будущей жизни, пришедшiй во плоти и совершеннѣйшимъ образомъ вочеловѣчившiйся для утвержденiя въ насъ своей вѣры, Господь, предвидя имѣющее быть въ тебѣ, Оригенъ, невѣрiе и сомнѣнiе у тебя и во многихъ, подобныхъ твоему невѣрiю, ересяхъ Манихеевъ и Маркiонитовъ, все дѣйствительно содѣлалъ для утвержденiя и

*) И этого отдѣленiя до 73 главы нѣтъ у Петава, но переводится оно по Диодорфу.

укрѣпленія вѣры въ Него и истины, исполнивъ то на Самомъ Себѣ. Ибо воскресши изъ мертвыхъ, Онъ воскресилъ съ Собою *многа тѣлеса святыхъ, и внидоша съ Нимъ во святыи градъ* (Матѣ. 27, 52. 53.), какъ и въ другихъ мѣстахъ повѣдалъ я. Не сказалъ (Евангелистъ): *воста-ша* святые, дабы не дать предлога кознямъ неблагонамѣренности, но такъ какъ естественно существуетъ сомнѣніе у невѣрующихъ, то онъ и старался объ утвержденіи знанія нашего о будущей жизни, и сказалъ: *тѣлеса святыхъ*, и не только, что Господь воскресилъ ихъ, но и что они *явишася мнозьмъ* въ городъ, причемъ силою Его исполнились слова: *изводя окованныя мужествомъ* (Псал. 67, 7.), то-есть, души воскресшихъ тѣлъ. Это узники крѣпости, связанные во адѣ. Еще говоритъ: *такожде преогорчевающія живущія во гробьхъ*, то-есть тѣла воскресшихъ; не сказалъ: преогорченныя или преогорчеваемыя, но *преогорчевающія*. Ибо явившіеся многимъ въ городъ были недавно умершіе вмѣстѣ съ давно умершими. Я думаю, что Господь началъ совершать воскрешеніе съ Адама, воскресилъ же и недавно погребенныхъ близъ Него на Голгофѣ, Самъ будучи распятъ и исполняя написанное: *востани спяи и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ* (Ефес. 5, 14), за тебя распятый. Такъ какъ иные изъ нихъ были узнаны своими, то они прежде всего привели въ ужасъ видѣвшихъ; такъ, если какой-

нибудь отецъ встрѣтился съ сыномъ воскресшимъ, или братъ съ братомъ, или родственникъ съ родственникомъ, умершимъ лѣтъ за двадцать или за десять лѣтъ, то въ удивленіи спрашивалъ: не ты ли такой-то, погребенный нами въ такомъ-то мѣстѣ? Какъ это ты воскресъ и пришелъ? Но воскресшій въ свою очередь спрашиваетъ: что такое вы тутъ сдѣлали за три дня предъ симъ, когда земля тряслась? Тѣ говорятъ: мы схватили и распяли одного обманщика (Мат. 27, 63), именемъ Иисуса, оболъщавшаго народъ, — и обманъ прекратился. Тогда тотъ исповѣдуетъ милость Господа и истину и говоритъ: горе вамъ! Начальника спасенія міра вы отверглись и распяли. Онъ воскресилъ насъ крѣпкою силою Своего Божества и человѣчества, и вотъ наконецъ исполнилось Божественное писаніе: *такжеде преогорчевающія живущія во гробѣхъ*. Слыша отъ воскресшихъ, что они воскресены Господомъ Иисусомъ, даже до смерти преогорчились рѣшившіеся отвергнуться *начальника жизни* (Дѣян. 3, 14. 15) и распять Его. Впрочемъ можетъ быть человѣколюбець Господь и это сдѣлалъ на пользу тѣхъ, которые видѣли воскресшихъ. Ибо мы думаемъ, что многіе, увидѣвъ воскресшихъ и пришедши въ умиленіе, получили пользу и увѣровали. Поэтому и вы, Оригенисты, увѣруйте и не погубите многихъ вашимъ заблужденіемъ.

Гл. 73. Но довольно съ меня этого для опро-

верженія Оригена вольномудрствующаго, напрасно присвоившаго себѣ имя Адамантоваго, и для опроверженія его нелѣпостей и пагубнаго ученія, которое онъ злонамѣренно измыслилъ противъ истины во многихъ частяхъ нашей вѣры. Покончивъ и съ его ересію, я по порядку буду разсматривать другія, прося, по обычаю, Бога — помощника нашего убожества, чтобы намъ быть въ силахъ противостать всякому суетному гласу, возстающему противъ истины, и побѣдить оный, по слову святаго Исаи: *всякъ гласъ, на тя востанетъ, одолѣши имъ всѣмъ, повиннии будутъ же въ немъ* (Иса. 54, 17.). Такимъ образомъ, при помощи Божіей мы исполнили свое обѣщаніе желающимъ разумаго чтенія для упражненія въ истинѣ и для доставленія цѣлительнаго врачества въ видѣ противоядія противъ всякаго звѣря и ядовитаго змія, то-есть, противъ разныхъ видовъ ересей, и этой жабы Оригенистовъ, образовавшейся отъ всякой сырости и продолжающей вскрикивать съ воплемъ и громкимъ голосомъ. Принявъ предохранительное питіе, то-есть ученіе о воскресеніи Господа, мы, такъ сказать, выплюнули прилипчивый ядъ жабы и неправду сквернаго змія. Ибо и это случилось съ нимъ со всѣми несчастными послѣдствіями; и я страдаю и въздыхаю о немъ. Увы! Сколько ты самъ потерпѣлъ вреда и сколь многимъ другимъ повредилъ! Какъ ты, укушенный страшною ехидною, то-есть мірскимъ образованіемъ, и для другихъ сдѣлался ядомъ.

Знакомые съ естественною исторіею говорятъ, что кротъ живетъ въ норѣ и рождаетъ дѣтей многихъ вдругъ: до пяти и болѣе, а ехидны ловятъ ихъ. Если ехидна найдетъ цѣлую нору, то не могла всѣхъ пожрать, съѣдаетъ для своего насыщенія одного или двоихъ, а прочимъ, выколовъ глаза, приноситъ пищу и откармливаетъ слѣпыхъ, до тѣхъ поръ пока не возьметъ и съѣстъ каждаго изъ нихъ, когда захочетъ. Если же случится найти ихъ кому-нибудь не знающему и возьметъ ихъ для употребленія въ пищу: то принимаетъ въ себя ядъ отъ нихъ, какъ напитанныхъ ядомъ ехидны. Такъ и ты, Оригенъ, ослѣпивъ свой умъ вышеуказаннымъ Еллинскимъ ученіемъ, изрыгнулъ ядъ и на довѣрившихся тебѣ и сдѣлался для нихъ ядовитою пищею, повредивъ многимъ тѣмъ же, отчего самъ потерпѣлъ вредъ. О самомъ Оригенѣ мы сказали въ предыдущихъ разсужденіяхъ, какъ онъ хулилъ Сына Божія, называя Его Богомъ созданнымъ, и сказавъ, что Онъ не можетъ видѣть Отца, что равно и Духъ Святой не можетъ видѣть Сына, и какъ онъ ложно училъ, будто душа предсуществовала и согрѣшивъ на небѣ низведена въ тѣло, и что діаволь будетъ возстановленъ въ своемъ начальствѣ. Осчастливленъ же Іоаннъ Креститель и прочіе святые тѣмъ, что они будутъ общниками его (то-есть діавола) въ царствѣ небесномъ! и что рай и воды превыше небесъ и воды подъ землею суть иносказаніе, а не дѣйствительность.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТВОРЕНІЯ СВ. ЕПИФАНІЯ КИПРСКАГО:

Стран.

Объ Оригенъ, который зовется и адамантовымъ; сорокъ четвертая, а по общему порядку шестьдесятъ четвертая ересь (<i>окончаніе</i>).....	143
--	-----

ПРИВАВЛЕНІЯ:

Выводы матеріализма въ вопросѣ о происхожденіи міра предъ судомъ строго-научнаго естествознанія. <i>А. Лебедева</i> ..	373
Письма Митрополита Московскаго Филарета къ викарію Московской епархіи, епископу Дмитровскому, Иннокентію...	427
Отчетъ о состояніи московской духовной академіи въ 1871/72 учебномъ году.....	459
О существѣ и свойствахъ художественной дѣятельности, <i>Е. Алфитеатрова</i>	503
Филарета Митрополита Московскаго предложеніе Святейшему Синоду по поводу предложеннаго печатанія книги Николая Черногорца.....	531

Журналы Совѣта Московской Духовной Академіи 1871 года.

Важнѣйшія опечатки въ прибавленіяхъ 3-й книжки.

Напечатано:	Читать должно.
<i>страни. строк.</i>	
410 снизу 3 запрещаетъ	защищаетъ
412 — 16 для	дня
420 — 16 налчныхъ	наличныхъ
452 — 4 назначитъ	можете назначитъ
474 — 5 софимъ	софериумъ
480 сверх. 13 производныхъ	производства
485 снизу 10 Доцентъ	Доцентъ

Печатано по опредѣленію Совѣта Московской Духовной Академіи.

Ректоръ Протоіерей *Александръ Горскій*.